

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Адыгейский государственный университет»**

На правах рукописи

Михайлюк Виталий Александрович

**КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОСОБАЯ ФОРМА
ДЕВИАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ**

22.00.06 – Социология культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени кандидата
социологических наук**

**Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор
Михайлов А.П.**

Майкоп, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования коррупции	15
1.1. Социологические подходы к анализу коррупции	15
1.2. Социокультурный анализ коррупции в контексте девиантологии	32
1.3. Девиации поведения сотрудников ОВД в современном социологическом дискурсе	51
Глава 2. Коррупция как фактор профессиональной деформации сотрудников ОВД	66
2.1. Общественное восприятие девиаций сотрудников ОВД на современном этапе	66
2.2. Современные риски трансформации социокультурного статуса сотрудника ОВД	81
2.3. Современные технологии формирования статуса ОВД: институциональные инновации	100
Заключение	123
Список используемой литературы	127
Приложение	137

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одной из важнейших функций, обеспечивающих защиту институциональных ценностей общества, является деятельность по охране прав и законных интересов граждан, призванная оградить официальные государственные институты, регулирующие систему правоотношений, от альтернативных нормативных установок.

Бесспорно, что система правоохранительных органов призвана сыграть одну из основных ролей в процессе формирования правового государства, создания устойчивых механизмов нормативно-правовой регуляции. В связи с этим, проблема эффективности деятельности органов внутренних дел в условиях современной российской реальности приобретает особую актуальность.

Следует также отметить, что неизбежно возникающая в процессе проходящего правового реформирования проблема позитивного отношения населения России к правоохранительным институтам, связана не только с уровнем правовой культуры социума, но и с уровнем соответствия современной полицейской структуры социокультурным стандартам, традиционно заложенным в идеологическом содержании российской культурной идентичности. В данном контексте не вызывает сомнения тот факт, что современное российское общество до настоящего времени испытывает влияние социокультурных стереотипов в оценке профессиональных групп, сформировавшихся на основе патерналистской идеологической парадигмы дореформенного (советского) периода.

Данная тенденция в полной мере может быть отнесена и к системе органов внутренних дел. В обществе советского периода позитивный образ милиционера, поддерживаемый огромным количеством кинематографических и литературно-художественных произведений, уверенно укоренился в социокультурном сознании большинства граждан СССР. Система ОВД в осознании советских граждан олицетворяла силовую основу внутренней политики государства, содержащую в себе признаки, во-

первых, элитарности, во-вторых, истинной народности и доступности, а в-третьих, честности и неподкупности.

Актуальность представленной работы обусловлена и, в том числе, проходящим процессом реформирования ОВД, в свою очередь, трансформирующим общий привычный формат взаимодействия общества и современной полиции. Всестороннее обсуждение эффективности процессов, связанных с реорганизацией системы ОВД, значительно усилило интерес гражданского общества к настоящей проблематике.

Проводя анализ уровня культурного восприятия современной полиции, а также проходящих реформ, включая и переименование самого названия «милиции» в «полицию», особо следует отметить тот факт, что в последние два десятилетия наблюдалась коммерциализация определенной части сотрудников МВД. Это, во многом, и явилось основанием для широкого общественного обсуждения проблемы коррупции в правоохранительных органах, а также формирования критического отношения к полиции, как к структуре.

Вместе с тем, смещение критериев социальной успешности в сторону показателей успеха материального, наблюдающееся в современной реальности, оправдывает ожидание материальной компенсации предпринимаемых усилий в конкретной профессиональной деятельности.

Двойственность мнений при оценке современной полиции со стороны общества коренится в осознании деструкции принципа равновесия в самой системе взаимодействия, одной из сторон которой являются правоохранительные институты. Этот принцип, по мнению теоретиков концепции социального обмена, выступает в качестве показателя стабильности отношений между социальными субъектами, в соответствии с системой ценностей и норм, принятой в обществе.

Таким образом, обоснованность необходимости укоренения в общественном сознании определенно позитивного социокультурного статуса правоохранительных органов, включая и формирование

антикоррупционного стандарта поведения самих сотрудников в условиях системного реформирования, их восприятия как значимого субъекта функционирования социальной реальности, обусловили актуальность предложенного диссертационного исследования.

Степень научной разработанности диссертации. Проблема формирования антикоррупционного стандарта поведения сотрудников МВД в современной социальной системе, легитимации основ и форм ее профессиональной деятельности исследовалась в рамках более широкой научной проблематики, а именно, в контексте изучения специфики и механизмов воспроизводства и сохранения социальной стабильности, правовой культуры и культурно-правового поведения, как основных его элементов.

С точки зрения теоретической значимости особое место в данном контексте занимает социокультурная интерпретация основ правовой нормативности (теория «социального пространства» П. Бурдьё), ориентирующая на понимание сущности правовой социализации в перераспределении правовых ресурсов. Данная нормативность, по мнению П. Друкера и Т. Стюарта, достигается путем использования основ правовых знаний в качестве методологии для получения определенных результатов при исследовании специфики развития общества и его культурного содержания.

Научный анализ критериев правового поведения проведен такими современными авторами, как С.С. Алексеев, А.В. Артюхов, В.И. Добренников, Я.В. Зубова, В.Я. Кикоть, Т.А. Хагуров и др. В тоже время, правовое поведение рядом ученых охарактеризовано как определенный тип правовой культуры. В этом направлении проводились исследования Ю.Г. Волковым, Г.С. Денисовой, В.С. Нерсисянц, М.Б. Смоленским и др. Специальные разработки по проблемам изучения специфики восприятия правовых норм предложены С.В. Егорышевым, Ю.А. Зубок, А.В. Мягогиным, А.В. Сахно, В.И. Чупровым и др.

В процессе концептуальных исследований основ функционирования правоохранительной системы в научной теории традиционно подвергался анализу ее социальный и социокультурный статус, а также особенности ее восприятия в социальной системе. Данной проблеме посвящены работы Г.Н. Березина, Т.А. Бондаренко, О.В. Ведерниковой, Е.И. Жуковой, С.М. Иншакова, К.В. Краснюка и др.

В то же время настоящий подход предполагает и проведение фундаментального анализа основ институционального предназначения правоохранительных институтов, а также согласование механизмов их институционализации в современном обществе (Т.И. Заславская, С.Г. Кара-Мурза).

Вместе с тем, механизмы формирования социокультурного статуса представителей профессиональных групп проанализированы такими авторами, как З.Т. Голенкова, Т. Парсонс, П.А. Сорокин в контексте теории связующего взаимодействия социальной стратификации и профессиональной культуры. В рамках данной теории профессиональное поведение выступает как реакция на нормативные и культурные ожидания, и его реализация происходит через профессиональные статусы и роли.

Теоретический анализ феномена коррупции в системе общественного взаимодействия предложен такими исследователями, как М.В. Аверьянов, Ю.М. Буравлев, А.Н. Гугунский, А.С. Дугенец, А.П. Михайлов, М.Ю. Попов, Р.В. Рывкина, С.И. Самыгин и др.

Методологический аспект проблемы активизации различных форм отклоняющегося «девиантного» поведения в системе ОВД рассматривался в ряде исследований, посвященных проблема транзитивности российского общества конца XX – начала XXI вв. Значительный вклад в исследования данного направления внесен С.Г. Кара-Мурзой, Ю.А. Левадой, В.В. Морозовым, Н.Е. Покровским и др.

Современные исследователи, в рамках изучения проблем эффективности функционирования современного российского социума,

выяснили специфику возникновения девиантных «версий» восприятия полиции современным обществом (В.Б. Гончаров, С.В. Егорышев, А.Р. Каспаров, В.В. Кожевников, А.Д. Сухинин, В.М. Шамаров и др.).

Результаты исследований современных механизмов воссоздания позитивного образа правоохранительных органов, формирования антикоррупционного поведения как фактора легитимации данной деятельности в общественном сознании, дают возможность утверждать, что существуют разные социологические подходы к исследованию проблем легитимации правопорядка и правового поведения. В концепции объективного подхода процесс легитимации воспринимается как институционализация правовой системы в целом и ее ценностных установок, в частности. Субъективное понимание легитимации правового порядка, в свою очередь, означает признание социумом его ценностного значения (М. Вебер, М. Кастельс, Н.И. Лапин, Р.К. Мертон, Т. Парсонс).

Комплексные исследования проблем формирования социокультурного статуса, а также развития девиантных практик в сообществе сотрудников ОВД проведены представителями региональной научной школы (А.Р. Каспаров, А.И. Кузнецов, В.Н. Нехай, В.А. Радченко и др.).

Таким образом, накоплен значительный объем знаний, в котором рассмотрены проблемы теоретико-методологического содержания, соответствующие социальным интересам профессиональных культурных стандартов поведения современных полицейских. Однако содержательная сущность и основные векторы воздействия социокультурных факторов на формирование соответствующей модели профессионального поведения в полузакрытой институциональной системе, каковой являются органы внутренних дел, должным образом не изучены.

Объектом исследования выступает коррупционное поведение как социальное явление в современном обществе.

Предметом исследования является специфика формирования коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел, как особой формы девиации.

Гипотеза исследования. Выявление институциональных и социокультурных факторов формирования коррупционного поведения сотрудников современной полиции, определение механизмов, создающих имидж органов внутренних дел в общественном сознании, а также исследование культурных особенностей легитимации их деятельности, как процесса интернализации норм правового поведения гражданами России, позволяют определить вектор направленности необходимых усилий для повышения эффективности деятельности ОВД в целом. Совокупность социокультурных факторов формирования антикоррупционного стандарта поведения сотрудников полиции, актуализированная волей социальных субъектов системы государственного управления, способна минимизировать не только угрозы и риски деформации профессиональной культурной модели полицейских, но выступить в качестве превентивной стратегии конкретных форм отклоняющегося поведения.

Цель исследования: социокультурный анализ факторов коррупционного поведения сотрудников полиции, а также условий, способствующих снижению девиантогенного потенциала современной системы ОВД и формированию их общественно одобряемого статуса.

Исходя из цели исследования, автором формулируются следующие **задачи:**

- представить теоретико-методологический анализ социологических подходов к изучению феномена коррупции в современном обществе;
- систематизировать основные формы коррупционного поведения в современной системе ОВД, предложить их социокультурную классификацию;
- определить специфику формирования и особенности общественного восприятия сотрудника ОВД;

- на основе эмпирических данных охарактеризовать факторы формирования социокультурных стереотипов в оценке деятельности ОВД в общественном мнении россиян;

- выявить объективные и субъективные особенности специфики легитимации правоохранительных органов в условиях возрастания современных рисков;

- проанализировать современные инновационные технологии, способствующие воссозданию социокультурного статуса сотрудников органов внутренних дел.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили системный анализ, а также исторический, диалектический и логический подходы к оценке явлений и процессов общественной жизни. Автором использовались, во-первых, теории происхождения и значения социальных институтов и социального порядка (П. Бергер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, Т. Парсонс), во-вторых, теория аномии в транзитивном социуме (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон), в-третьих, теории и концепции социокультурной трансформации (Ш. Айзенштадт, Т.И. Заславская). Теория социального пространства П.Бурдьё была использована для характеристики специфики соотношений между корпоративной и общественной культурой. Концепция функционального анализа (Р. Мертон, Т. Парсонс) применялась при определении места и роли доминирующей культуры в профессиональной культурной доктрине сотрудников современной российской полиции.

При проведении анализа специфики воспроизводства коррупционных механизмов в деятельности ОВД был использован метод конструирования социальной реальности.

Диссертантом в работе также были применены междисциплинарный подход и статистический метод. Автор использовал материалы теоретических разработок российских и зарубежных социологов, данные иных официальных источников.

Эмпирическая база исследования. Для оценки специфики восприятия современных полицейских различными социальными группами использовались материалы ВЦИОМа, Левада-Центра, Центра «Демос» и данные мониторинга роли ОВД в правовом пространстве. Учитывались данные мониторинга, проводимого Центром «Индем», а также сотрудниками отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева, кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, материалы иных всероссийских социологических исследований.

Помимо вторичного анализа информации, приведенной в опубликованных источниках, эмпирическая база включает в себя и ряд первичных результатов эмпирического социологического исследования, проводимого группой исследователей при участии автора в 2015 году. Методом анкетирования было опрошено 800 респондентов городов Майкопа и Краснодара, в рамках которого по квотной выборке они распределялись на подгруппы по критерию наличия либо отсутствия личного опыта общения с правоохранительными органами. Из числа респондентов 374 человека являлись сотрудниками различных подразделений органов внутренних дел.

Диссертантом проводился экспертный опрос, контент-анализ материалов региональных и федеральных СМИ.

Научная новизна предложенного исследования состоит в следующем:

- уточнены современные социологические подходы к анализу понятий «социокультурный статус», «коррупционное поведение» и др.;
- предложены авторское определение коррупционного поведения сотрудников ОВД и авторская классификация его основных форм;
- определены факторы, обуславливающие «девиантные» формы восприятия полиции в общественном сознании;
- выявлены объективные и субъективные особенности процесса легитимации деятельности ОВД в сознании россиян;

- предложены эффективные социокультурные и институциональные технологии по воссозданию общественно одобряемого социокультурного статуса сотрудников ОВД;

- введен в научный оборот новый эмпирический материал по вопросам коррупции в ОВД.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ проблемы коррупции, как устойчивого социального феномена, междисциплинарный контекст основных теоретических подходов позволяют утверждать, что современное российское общество трансформируется в общество всеобщего риска. Так, оценивая сегодняшнее состояние коррупции, можно констатировать наличие экстерриториального характера данного риска, его устойчивое воспроизводство вне зависимости от осуществляемых мер противодействия, широкое социальное распространение, поливариативность форм проявлений и сфер деятельности, взаимодействие и хабитуализация деструктивных норм.

2. Коррупционное поведение содержит в себе значительный асоциальный потенциал, деструктивно влияющий на культурно-правовую регуляцию отношений в социуме. Данное явление не только понижает имидж самих органов внутренних дел, но и всего государственного устройства в целом, которое, по своей сути, именно усилиями данного института должно противодействовать противоправным и аморальным проявлениям. К основным признакам коррупционного поведения можно отнести противоправность, корыстную мотивацию, использование предоставленных законом должностных полномочий и аморальность.

3. Весь спектр девиаций сотрудников ОВД следует разделить на две категории. Во-первых, поведение, которое можно признать коррупционным, то есть действия, связанные с исполнением властных полномочий, характеризующиеся противоправностью и корыстной мотивацией. Во-вторых, девиации общесоциального плана, которые обусловлены отсутствием эффективной морально-нравственной подготовки внутри

полицейских коллективов, общего культурного уровня, правовой некомпетентностью и специфическими особенностями системы внутренней корпоративности.

4. Отечественный опыт противодействия криминальным рискам свидетельствует о необходимости опоры правоохранительных институтов на социальную позицию населения, его поддержку их деятельности и устойчивую правовую направленность массового сознания. Такая стратегия была сформирована и опиралась на идеологию и коммунитарные традиции общества советского периода, обеспечивавшие ценностное единство общества и правоохранительных структур. Переходный период общества 90-х гг. прошлого века, обусловивший процесс трансформации принципа коммунитарности и утверждение индивидуализма, а также экономической мотивации в повседневной жизнедеятельности, спровоцировали крушение «равновесия статусов» разных профессиональных групп внутри социальной системы.

5. В формировании социокультурного статуса сотрудников органов внутренних дел большую роль играют положительные и отрицательные имиджевые характеристики. К первым можно отнести следующие: «представитель власти, имеющий достаточные полномочия для обеспечения безопасности и порядка»; «представитель силовой структуры; стоит на страже закона»; «человек, который должен иметь высокие морально-волевые качества, быть справедливым и честным» и др. Ко вторым относятся: «работники с низкой профессиональной подготовкой»; «представители карательного органа»; «люди, руководствующиеся в своей деятельности только приказами начальства»; «коррупционеры», «взяточники»; «люди с низким уровнем общей культуры поведения и общения» и т.п.

6. Воссоздание принципа «статусного равновесия», применительно к системе органов внутренних дел, требует активной мобилизации ресурсов государственного управления, включающего в себя введение более качественного механизма отбора кадров, усиление контроля над

индивидуальной профессиональной пригодностью к службе. Требуется переориентирование культурно-ценностной мотивации профессиональной деятельности, приведения условий экономической мотивации в соответствие с необходимым социокультурным статусом.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена тем, что представленные в ней фактические материалы, а также выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего теоретического осмысления проблемы интернализации населением страны основ культурно-правового поведения, легитимации деятельности правоохранительных структур, активизации процессов участия граждан в организации правового порядка и общественной стабильности.

Результаты диссертационного исследования могут применяться для научной коррекции работы социальных институтов, направленных на повышение эффективности механизмов формирования правовой культуры и правового менталитета граждан России, а также при подготовке теоретических курсов по социологии, социологии культуры, социологии права. Полученные результаты могут найти свое применение при изучении специальных предметов в учебных заведениях системы органов внутренних дел.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК. Диссертация полностью соответствует требованиям паспорта специальности 22.00.06 – социология культуры: п. 4. Культурная норма и девиация в развитии общества. Субкультура и культурная маргинальность.

Апробация работы. Основные выводы и положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на ежегодной городской научно-практической конференции «Ставрополь - город межэтнического согласия и межличностного диалога» (21 ноября 2014 г., г. Ставрополь), на 2-й Всероссийской научно-практической конференции «Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политические

аспекты» (6 ноября 2015 г., г. Краснодар), XIII и XIV международных научных конференциях молодых ученых и аспирантов «Наука. Образование. Молодежь» (февраль 2016 г., февраль 2017 г., г. Майкоп).

Основные результаты диссертации представлены в десяти научных публикациях общим объемом 10,8 п.л., в том числе в трех статьях, в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, а также отдельной монографии.

Диссертация обсуждалась на кафедре философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Структура работы. Цели и задачи определили структуру исследования. Оно состоит из двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка используемой литературы и приложений.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования коррупции

1.1. Социологические подходы к анализу коррупции

Эффективное противодействие коррупции не осуществимо без глубокого понимания социальных процессов, в результате которых возникло данное явление. Изучение причин коррупции, факторов, конституирующих её развитие, а также структуры взаимоотношений индивида и общества, опосредованной настоящим феноменом, неразрывно связано с научными методами познания социологии.

Наиболее общее определение феномена коррупции, как такового, (от лат. *corruptere* — «растлевать») предлагает его рассматривать как термин, обычно подразумевающий использование определенным должностным лицом вверенных ему властных полномочий и прав с целью личной выгоды, противоречащее тем или иным актам законодательства, а также моральным и нравственным установкам.

Методология социологического теоретизирования позволяет выявить определенную каузальность связей между индивидуальным и общественным сознанием, осмыслить особенности перехода от дискретных коррупционных действий к конкретной системе взаимоотношений, обуславливающих деградацию социума.

Особо следует отметить, что основа данной методологии заложена в трудах классиков мировой социологической науки, которая в наибольшей степени представлена концепцией социологического реализма Эмиля Дюркгейма и социологического номинализма Макса Вебера. Она предоставляет возможности, как для изучения человека сквозь призму общества, так и общества через само его восприятие тем или иным конкретным индивидом.

Вместе с тем, научные исследования особенностей перехода от традиционного общества к индустриальному, характеризуют сущность

важнейших процессов трансформации социума. Данные трансформации свойственны не только для всего мирового пространства, но и собственно для России.

Универсальный характер обозначенных закономерностей предоставляет нам возможность социологически рассмотреть механизмы возникновения и развития внутренней самодетерминации общества, в частности, продуцирующей коррупцию, проанализировать указанные проблемы социальной жизни на теоретико-понятийном фундаменте, так как именно социология, в большей степени, удовлетворяет потребность в определенном объеме знаний, которые, в свою очередь, должны быть ориентированы на точное и углубленное фиксирование реальных социальных процессов и явлений.

Рассматривая роль классической социологии, в исследовании изучаемых нами явлений, необходимо отметить, что, разрабатывая теорию анализа социального взаимодействия, Э. Дюркгейм определил метод социологии. Он утверждал: «Социальные факты нужно рассматривать как вещи - максимально объективно и непредвзято, раскрывая логику их существования. Социальные факты должны подтверждаться другими социальными фактами» [32, с. 395]. Этот подход развивает идеи, заложенные ранее основоположником социологии О. Контом. Он писал: «Истинная наука должна опираться на наблюдаемые, фиксируемые и повторяющиеся явления, тенденции» [51, с. 11].

Таким образом, рассматривая существование коррупционных схем поведения как общественного явления, следует охарактеризовать его социальными признаками, принятыми нормами и ценностями взаимодействия людей, которыми они руководствуются в конкретной ситуации.

Учитывая ту или иную мотивацию, как специфичную особенность определенных социальных феноменов, не только анализ смысла действий, но

и их понимание, становятся главной первоосновой социологической интерпретации явления коррупции.

Наряду с этим, в рамках целостно-интегративного подхода к анализу используемых теоретико-методологических основ общесоциологических и междисциплинарных исследований при изучении данного явления считаем необходимой агрегацию достоверных и конкретно-обстоятельных знаний, имеющих практическую значимость для организации противодействия коррупции.

В свою очередь, следует обратить особое внимание на научную позицию П. Бергера и Т. Лукмана. Они считали: «Все теории разумно было бы воспринимать не в качестве «научных» суждений, а в высшей степени, своеобразного и значимого способа конструирования реальности в современном обществе» [11, с. 301].

Вместе с тем, рассматривая явление коррупции с позиций социологического знания, необходимо провести его дефиницию как социокультурного феномена, отделив аспекты, исследуемые в сфере юридических и экономических наук.

С правовой и экономической точки зрения коррупция (от лат. *corruptio* — порча, подкуп) это преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения [54, с. 121].

Так, согласно Федеральному закону Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды

указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [5].

Конструкция данного определения в дальнейшем уточняется правовыми нормами, содержащимися в диспозициях статей Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

В свою очередь, по факту, антикоррупционными нормами, сформулированными в Уголовном Кодексе РФ, являются, в первую очередь, нормы о должностных преступлениях. Это злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), служебный подлог (ст. 292).

Как известно, не все деяния, в которых формально содержатся признаки преступлений или административных правонарушений коррупционной направленности, подпадают под диспозиции статей вышеуказанных кодексов и влекут за собой применение предусмотренных законодательством санкций.

В то же время, с точки зрения проводимого нами исследования, наибольший интерес представляет его социокультурный ракурс, то есть само коррупционное поведение и мировоззрение, ангажированное определённым набором ценностей и опосредованное устойчивыми нормами, катализирующее систему производства и воспроизводства во времени деструктивных культурных значений.

Рассматривая социальный мир, исследуя закономерности взаимодействия структур и элементов в нем, Э. Дюркгейм утверждал: «Объяснение социальной жизни нужно искать в природе самого общества» [32, с. 319].

Об этом, в частности, свидетельствует наличие различной этической оценки деяниям с признаками коррупции. Так, если одни действия воспринимаются как преступные, другие - как безнравственные, либо вовсе не вызывают реакцию прямого неприятия. К ним, в частности, относятся

присущие традиционному обществу ценности, выраженные в поливариативных проявлениях аскриптивности и патернализма. При этом, нарушение принципа меритократии воспринимается с определённой долей понимания.

Воспринимая существующие различия, с одной стороны, как объективную данность, социология также стремится понять природу этой объективности, предоставляя анализ самих социальных фактов. Данный методологический подход разработан в рамках понимающей социологии М. Вебера.

Наряду с этим, именно социокультурное направление социологии, позволяет провести исследование культурных детерминант воспроизводства рассматриваемых деструктивных значений, ценностно-нормативное содержание социальных действий, опосредованных коррупцией. Особенно важными, в аспекте дальнейшего осмысления механизмов социокультурного сдерживания, на наш взгляд, являются идеи М. Вебера о смысловом содержании и ориентированности на другого деятельности индивида. Он пишет: «Действием мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид (или индивиды) связывают с ним субъективный смысл. Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [20, с. 602-603].

Следует отметить, что в российском научном дискурсе обозначилась тенденция, выводящая коррупцию в разряд проблем именно экономического плана. Однако, на наш взгляд, восприятие коррупции только с позиции экономики, без учёта её социокультурной специфики, приводит к узости восприятия потенциальных возможностей противодействия данному феномену.

Так, по мнению западных экспертов, существуют три возможных подхода к минимизации коррупционных рисков. Во-первых, ужесточение законов и их исполнение, то есть повышение риска наказания. Во-вторых, создать механизмы, позволяющие должностному лицу увеличить доходы, не преступая правила и законы. В-третьих, усилить роли рыночной конкуренции, уменьшающей размер потенциальной прибыли от коррупционных схем. К последнему относится и конкуренция при предоставлении услуг, в условиях дублирования одними государственными органами аналогичных функций, отнесенных к компетенции других. Большинство из вышеперечисленных методов относится ко внутренним либо внешним механизмам контроля [101, с. 496].

В то же время, учитывая то обстоятельство, что к субъектам коррупционных действий, кроме представителей бюрократического аппарата и политической элиты, относятся практически все категории граждан вне зависимости от места в системе стратификации общества, становится крайне проблематичным решение задачи создания адекватной распространению коррупции системы надзора.

Следует отметить, что определённая, компенсирующая недостающие возможности, функция надзорной деятельности реализуется посредством институтов с высокой степенью независимости от органов власти. Конвенция Организации Объединенных Наций, направленная против коррупции, предлагает целый ряд подобных механизмов. Так, независимая система судов, при которой преступивший закон чиновник может быть признан виновным, многократно снижает потенциальную привлекательность коррупционных схем.

Вместе с тем, одними из наиболее действенных инструментов внешнего контроля над коррупцией являются свобода слова и СМИ [109, с. 801].

Традиционно принято считать, что основным стимулом коррупционного поведения являются возможности получения определенной

экономической прибыли (ренды), соединенные с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором — угроза разоблачения и ответственность. На наш взгляд, если первая часть данного утверждения достаточно объективно раскрывает мотивацию действий, то вторая оставляет открытое поле для дискуссий. Несовершенство и ограниченность возможностей, предоставляемых внутренним и внешним надзором, отсутствие положительной динамики в борьбе с коррупцией убедительно подтверждают это.

Как показывает мировой опыт исследований в данной области, коррупционному соблазну может быть подвержен каждый человек, обладающий дискреционной властью, то есть возможностями распределения каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по единоличному желанию. При отсутствии дискреционной власти, как таковой коррупция была бы невозможна [53, с. 152].

В свою очередь, суть проблемы предупреждения коррупции сформулировал Д. Мэдисон. Он писал: «Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством — внешнем или внутреннем — не было бы нужды. Но при создании правления, в котором люди будут ведать людьми, главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми. А вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой» [56, с. 36].

Таким образом, формируется бесконечная система средств, при которой высшая инстанция всегда «обречена» оставаться бесконтрольной, при этом она сама находится на вершине дискреционной власти, которая, как было отмечено ранее, и продуцирует риск коррупции.

П. Блау, исследовавший проблемы власти в аспекте принципов социального взаимодействия, отмечает: «Существует четыре основных вида вознаграждения, какие может потребовать тот, кто оказывает услугу: деньги, социальное одобрение, уважение и уступки» [13, с. 152]. Наиболее значимым

средством вознаграждения являются уступки, изменение поведения со стороны получателя услуги, в результате чего тот, кто оказывает услугу, может получить фактически всё, что ему необходимо. При этом, уравнение неравных услуг, происходит через систему неэквивалентного обмена [66, с. 189, 190].

Отдельно останавливаясь на проводимых исследованиях механизмов противодействия коррупционным проявлениям, следует отметить, что существующая национальная стратегия противостояния коррупции является актуальным программным документом, положения которого направлены на устранение коренных причин феномена коррупции в обществе.

И хотя в рамках данной стратегии, одной из важнейших задач является работа по коренному перелому общественного сознания, формированию в обществе атмосферы жёсткого неприятия коррупции, формированию антикоррупционного стандарта поведения, мы можем говорить о том, что в данной стратегии не нашли должного отражения выводы социологов о культурных детерминантах социальных действий. Данные выводы формируют предположение о том, что решение настоящей задачи обеспечивается, прежде всего, путём планомерного повышения правовой культуры населения, более четкого структурирования нормативной и культурной стратификации, обеспечивающей ограничение субъективного влияния на процессы общественного взаимодействия.

Наряду с этим, анализируя социокультурное содержание феномена коррупции, как наиболее сложной формы девиации, считаем возможным предположить, что его возникновение неразрывно связано с наличием конфликта между «социальными» и «культурными» аспектами современного российского общества, переживающего состояние транзитивности.

Данная тенденция прослеживается в трудах основоположников структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон). Так, Р. Мертон утверждает: «Именно наличие несоответствий между социальной структурой («организованной совокупностью общественных отношений») и культурой

(«организованной совокупностью нормативных ценностей») выделялось в качестве детерминант продуцирующих девиантное поведение» [62].

Условия, провоцирующие дезориентацию деятельности индивида в социокультурной реальности динамично развивающихся социумов, стали предметом исследования Г. Зиммеля, который отмечал: «Огромный, интенсивный и экстенсивный рост нашей техники, которая не есть только техника в материальной области, втягивает нас в сеть средств и средств этих средств, которая все больше отдаляет нас от наших подлинных конечных целей. В этом состоит громадная внутренняя опасность всех высокоразвитых культур, в которых вся сфера жизни покрыта максимумом надстроенных друг над другом средств. Возвышение ряда таких средств до конечных целей как будто делает это положение психологически выносимым, но в действительности придает ему еще большую бессмысленность» [37, с. 490].

Интерпретируя к современной реальности выводы учёного, мы считаем, что в сложной, трансформирующейся культурной доктрине между индивидуумом и его целями сформирована все более увеличивающаяся система культурных значений, включая и средства, выраженные в отклоняющихся (асоциальных) моделях поведения. То, насколько цели оправдывают средства, определяется индивидуальным выбором актора, который обуславливается его культурным уровнем, допустимостью принятых форм взаимоотношений.

Таким образом, с одной стороны, возникает отчуждение индивида от достижения целей, в рамках установленного порядка. С другой стороны, обнаруживается тенденция, обуславливающая превращение «средства» в «цель». В данном случае коррупционные модели ускоряют достижение желаемого результата без «лишних» издержек. В качестве примера можно привести факт получения диплома, минуя кропотливое обучение, выигрыш тендера на получение подряда при условии возврата части суммы заказчику. Данное условие позволяет избежать больших накладных расходов для победы в конкурентной борьбе и т.д.

Так появляется устойчивая тенденция разрешения возникающих проблем посредством коррупционных схем, устраивающих обе стороны противозаконных интеракций. Достигнутое таким образом усиление материальных и властных возможностей, указанных акторов служит цели дальнейшей трансляции усвоенных взаимоотношений для получения сверхприбылей. Вертикальное распространение рассматриваемых социальных действий в системе стратификации общества, при низкой эффективности мер противодействия коррупции, способствует восприятию риска как оправданного и создают предпосылки перехода от дискретных действий к системе взаимоотношений.

В основе коррупционного поведения индивидов, оценки ими ситуации, находится представление о моральности и допустимости действий. Атомизация современного общества, поливариативность убеждений отдельных индивидов создают предпосылки к различной оценке допустимости поведенческих актов.

Вместе с тем, активное развитие промышленности, науки, искусства или организаций, по сути, не оказывает влияние на выбор актором модели поведения, оставляют его индифферентным к происходящим процессам. В большей степени незрелость внутренней культуры продуцирует как проявление безразличия или противоречий к требованиям, относящимся к выбору моделей своего поведения, которые они должны были бы формировать, ради собственного соответствия гуманистическим идеалам, совершенствованию личности, т.е. культуре. Таким образом, уровень развития личности предопределяет характер имманентной логики актора при выборе моделей своего поведения [16, с. 147].

Так, приобретение и легитимация права на собственное коррупционное поведение в сознании индивидов обосновано уровнем внутренней культуры, социальной средой её формирования, степенью адаптированности в обществе. Оно происходит в ходе восприятия и оценки окружающей действительности, стандартов поведения других лиц и способов их действий.

Следует также отметить, что внутренние потребности индивида в эффективности своих действий по достижению тех или иных результатов, их практической трудной достижимости - с одной стороны, и наличие в социуме широкого спектра устойчивых криминальных моделей - с другой, в условиях низкой правовой культуры и нравственности, как правило, катализирует деструктивность выбора.

Существующий опыт соотнесения практических поступков с гарантией достижения требуемого результата, обосновывает в мировоззрении актора устойчивое восприятие коррупционных механизмов - как наиболее целесообразных.

Однако принятые и осмысленные в ходе ежедневной практики девиантные формы поведения становятся привычными и естественными для обыденного мировосприятия в условиях конкретного социального порядка. Процесс освоения социального миропорядка человеческим сознанием, в свою очередь, является объектом исследования феноменологической социологии, способствующей конкретному пониманию специфики легитимации коррупционных моделей поведения. Основоположник данного направления в научных исследованиях А. Шюц отмечает: «Социальный, человеческий мир – это, прежде всего, смысловой мир, создаваемый и упорядочиваемый человеческим сознанием в процессе повседневного существования. Таким образом, построение модели непосредственного восприятия индивидом, существующих во внешней среде, в виде объективной реальности, коррупционных форм поведения, возможно с учётом результатов проведённых эмпирических исследований повседневности и жизненного мира. Жизненный мир – это мир взаимодействия с другими, которые разделяют ту же «естественную установку» по отношению к этому миру. В данном контексте жизненный мир – это часть реальности, которая непосредственно дана человеку в опыте и над которой человек не задумывается, воспринимая её стихийно и естественно. При этом необходимо отметить, что жизненный мир поддерживается и

воспроизводится во времени, благодаря деятельности сознания индивида по усвоению, упорядочиванию и осмыслению полученного опыта» [96].

Значимое место в изучении механизмов осознания индивидом реальности можно отвести П. Бергеру и Т. Лукману. В предложенной ими теории социологии знания находится понимание того, что вся совокупность представлений о самой реальности, основывается на обыденном, повседневном познании.

Вместе с тем, необходимо, на наш взгляд, отметить, что исследование феномена хабитуализации девиантных моделей поведения основывается на определенном теоретическом фундаменте и включают в себя исследования взаимосвязи между такими социальными явлениями, как «реификация» и «легитимация».

В то же время, социальная реальность формируется посредством значений, воспроизводящихся в процессе непрерывного взаимодействия индивидов, то социальный порядок, в контексте взглядов П. Бергера и Т. Лукмана, представляет собой совокупность устойчивых взаимодействий и продуцирован реификацией. Авторы пишут: «Под реификацией понимается восприятие человеческих феноменов в качестве вещей. Важнейшим в понимании хабитуализации и легитимации в общественном и индивидуальном сознании рассматриваемой нами девиации является вывод учёных о том, что, несмотря на сконструированный характер, социальный порядок объективен в том смысле, что каждый отдельный человек застает его уже сложившимся и вынужден к нему приспособляться. Знание же, усвоенное индивидом, включает всю совокупность значений, связанных с интерпретацией окружающего мира, а легитимация представляет собой объяснение и оправдание существования тех или иных элементов социальной реальности» [11, с. 153-154].

Согласно обоснованной выше позиции, рассматривающей девиантные проявления в социуме, как конфликт между «культурным» и «социальным» аспектами транзитивного общества, мы считаем необходимым отдельно

остановиться на проблеме кризиса ценностей. Следует отметить, что данная проблема нашла свое отражение, в том числе, в исследованиях ведущего теоретика структурного функционализма в социологии Р. Мертон. На наш взгляд, коррупция может рассматриваться как дисфункциональное явление в современной бюрократии и подпадать под классификацию латентных функций и дисфункций, предложенных Р.Мертоном. Он отмечал: «Решения, принимаемые при создании, развитии, совершенствовании бюрократических организаций и вырабатываемые на основе принципа функциональной целесообразности, могут иметь скрытые последствия (латентные функции и дисфункции)» [62].

Одновременно с этим, необходимо обратить внимание, что проведённый интегративный анализ литературы, на различных научных полях, позволяет отметить, что деструктивные действия индивида, обладающего дискретной властью, не могут, априори, самостоятельно противоречить конкретным моральным установкам.

Коррупция, как вид социального взаимодействия, в ряде случаев несёт на себе признаки сотрудничества. В связи с этим, мы можем говорить о наличии следующих специфических особенностей: обоюдной заинтересованности, при которой ни одна из них не ущемлена в той степени, которую сама сочтёт неразумной, не приемлемой, то есть каждая сторона получает то, что признаёт приемлемым, обоснованным [66, с.196]. Когда же имеются в виду диффузные социальные интеракции, то выбирается средство обмена и устанавливаются сроки оплаты тот, кто получает услугу. [66, с.191].

Как известно, социальная жизнь есть не что иное, как активное и целенаправленное созидание людьми социальных отношений, форм жизни, но в определённых рамках, которые налагают ряд ограничений на эту активность, её направленность и содержание.

К таким ограничениям, наряду с принимаемыми государством правоохранительными мерами, относятся традиции социальных общностей, нежелательные конфликты, возникающие в процессе достижения цели.

Как следствие, в качестве основы гипотезы нашего исследования может быть принято предположение о том, что «силовые» ведомства в меньшей степени, по сравнению с официальной государственной позицией, воспринимают опасные последствия коррупции. Различие в восприятии риска продуцирует диссонанс усилий по противодействию коррупции, принимаемых со стороны органов власти и граждан, что, в свою очередь, определяет низкую эффективность принимаемых мер.

По нашему мнению, конфликт между действиями актора и интересами общества является характерным признаком коррупции, что косвенно подтверждается её устойчивостью и масштабностью. Так, Л. Крисберг утверждал: «Социальный конфликт существует в том случае, когда две или большее количество сторон убеждены в том, что цели их несовместимы» [35, с. 86].

При этом отметим, что устойчивость коррупционных рынков, основанная на массовом воспроизводстве деструктивных действий, является объективным подтверждением перехода от дискретных социальных действий к системе взаимоотношений, легитимизирующей в обществе.

Используя генерализирующий метод научного анализа, в целях определения повторяющихся типичных элементов, считаем, что детальное рассмотрение явления коррупции как регулярных самовозобновляющихся интеракций, возможно при определении в качестве инварианта - единичного социального действия, совершаемого двумя акторами. Переход от исследования общего к частному (дедукция) позволяет нам абстрагироваться от сложных форм социального взаимодействия, конституирующих комплекс социальных явлений, опосредованных коррупцией, и осмыслить дефиниции на уровне децентрализованных форм коррупции.

Как видно из рассмотренных ранее ограничений направленности и содержания социальных отношений, в том числе свободы выбора индивидом поведенческих норм, в условиях аномичности общества, поливариативности

ценностных ориентаций, основополагающим в социокультурном сдерживании может быть только внутренняя интенция актора.

Стереотипы реакции индивида на происходящие социальные процессы и выбор модели поведения формируются в социокультурной среде.

Нельзя не согласиться с научным заключением Э. Шилза о том, что необходимо попытаться определить, в какой социокультурной среде сформировался этот человек, какие стандарты поведения в ней приняты [94, с. 82].

Именно эти факторы лежат в основе социализации индивида и развития его ментальности, как устойчивой, логически прослеживающейся определённости восприятия, в том числе, оценке миропорядка и его практической жизнедеятельности в нём.

Так, К. Манхейм утверждал: «Человеческое сознание, порождающее идеи, всегда укоренено в конкретных культурно-исторических, социальных условиях и определяется данными условиями. Мышление человека обусловлено его социальным положением, групповой принадлежностью, особенностями образа жизни и судьбы его группы. Мыслят не люди как таковые и не изолированные индивиды осуществляют процесс мышления, мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию» [58, с. 166].

Каждая устоявшаяся система социальных и культурных взаимоотношений – это, соответственно, и укоренившаяся система взглядов, воплощающая их в реальности. Состояние общественного сознания, специфичность ментальности граждан, допускающих лояльность по отношению к коррупционному поведению на бытовом уровне, неизбежно повлечёт за собой рост девиантности в социуме. Если устойчивые взгляды на окружающую реальность, частью которой является и отношение к социальному миропорядку, подвергаются сомнению, под угрозой неизбежно окажется и сам порядок, как иаковой

Таким образом, возможно утверждать, что коррупция не только является фактором, деградирующим ментальность, но и детерминантой кризиса общественного правосознания. При этом в значительной степени она оказывает негативное влияние на процессы социализации индивидов, проходящих аккумуляцию в условиях аномии.

Объективные процессы, проходящие в период трансформации общества, перехода к рыночной экономике генерируют рассогласование культуры и социальной структуры.

Обобщая различные интерпретации определений культуры, мы говорим о ней, прежде всего, как о совокупности смысла и значения, которыми акторы руководствуются в повседневной жизни. Как отмечалось ранее, принятые индивидом и обществом культурные значения опосредуют всю социальную деятельность человека, наделяя её определенным смыслом. Только опираясь на принятые культурные значения, актор способен взаимодействовать со средой, приспосабливаться к ней и создавать новую социальную реальность.

Однако, то, в чём людям видится смысл своих действий, те принципы и нормы, которым они отдают предпочтение, нельзя рассматривать как нейтральную («беспомощную») среду, в которой действуют внешние силы, жёстко определяя её логику развития. Напротив, социальная реальность является продуктом взаимных интерпретаций, оценок и договорённостей между отдельными людьми. Социальная организация (организация социальных действий и взаимодействий) устанавливается в зависимости от того, как люди понимают смысл таких связей, какой тип взаимодействий они предпочитают [66, с. 136].

Таким образом, следует отметить, что под социальным аспектом общества подразумевается сам основной процесс взаимного действий между индивидами, в ходе которого и складываются сами главные значения и смыслы.

Исходя из вышесказанного, только с позиций социологии культуры мы имеем возможность, исследуя механизмы взаимовлияния смысловой сферы человеческого существования и сфер социального взаимодействия, осознать весь спектр детерминации поведения конкретного индивида от склонности к совершению коррупционных действий до интенции полного отказа от них.

Для объективной оценки социокультурной реальности, в контексте исследований заявленной проблематики, важны научные выводы, предложенные в рамках исследования социологии риска У. Бемом, А. Вильдавски, Э. Гидденсом, М. Дугласом, Н. Луманом, К. Феофановым, О. Яницким и др.

Анализируя теоретические умозаключения данных авторов и преломляя их к российской реальности, возможно утверждать, что современное общество поэтапно трансформируется в социум всеобщего риска. Так, оценивая состояние коррупции, мы можем констатировать наличие экстерриториального характера данного риска, его устойчивое воспроизводство вне зависимости от осуществляемых мер противодействия, широком социальном распространении, поливариативности форм проявлений и сфер деятельности, взаимодействия и хабиитуализации деструктивных норм.

К. Кнорр-Цетина, рассматривая проблемы социального порядка с позиций когнитивной микросоциологии, писала: «В некотором смысле, проблема социального порядка переопределяется, традиционный подход к порядку переворачивается с ног на голову. Социальный порядок - не то, что сохраняет целостность общества, контролируя желания и устремления индивидуумов, а то, что возникает в многочисленных повседневных взаимодействиях и взаимных приспособлениях этих желаний и устремлений. Проблема социального порядка... превратилась в проблему когнитивного порядка...» [116, с. 7].

В заключение параграфа считаем необходимым отдельно отметить, что в современном российском обществе нет общего понимания базовых

ценностей и целей. Нет общественно одобряемой национальной идеи. Вместо этого мы наблюдаем несколько конкурирующих политических и множество неполитических моделей повседневных практик.

Какими бы ни были виды коррупционных проявлений, вне зависимости от сферы их существования, будь то взаимодействие рядовых граждан и чиновников, власти и бизнеса, в основании этих интеракций стоит индивид. Он принадлежит к определённому социальному слою, придерживающийся собственных культурных значений, оценивающий ситуацию, предусматривающий последствия, желающий наступления результатов, осуществляющий выбор действий, принимающий решение по их осуществлению и т.д.

1.2. Социокультурный анализ коррупции в контексте девиантологии

Рассматривая теоретико-методологические подходы к исследуемой проблематике, следует отметить, что преимущество социокультурного анализа феномена коррупции заключается не только в возможности использования широкой поливариативности методов исследования, применяемых в рамках социологии в целом. Примечательно и наличие самостоятельных, не согласующихся с методологическими установками, принятыми в других социологических областях, интерпретаций культуры и отношений между ней и социальной структурой.

В основе теоретического фундамента социокультурного анализа коррупции находится культурно-аналитическая тенденция, отчётливо прослеживаемая в трудах классиков социологии, таких как М. Вебер и Г. Зиммель. Использование методологических подходов «понимающей социологии» открывает для нас возможность исследования не только социального факта коррупции, как такового, но и самих механизмов, определяющих сознательное производство деструктивного действия, мотивацию и намерения актора.

Анализируя гетерогенность существующих в современном миропорядке объективаций, обусловленных явлением коррупции, мы считаем необходимым исследовать не только социальный, но и культурный контексты угроз и сопутствующих им рисков.

Вместе с тем, дополнительной конкретики требуют такие аспекты, участвующие в формировании ментальности, как аксиологический подход, превалирующий в индивидуальном мировоззрении акторов, а также их нормативные предпочтения, реализующиеся с определенной периодичностью в повседневных реалиях.

В то же время, мы считаем, что в основе методологического подхода, примененного в ходе настоящего социокультурного анализа, необходимо использовать структурный, функционалистский и системный методы. Это обусловлено, прежде всего, тем, что явление коррупции, представляя собой элемент социальной реальности, имеет вполне определенную, культурную составляющую.

Представляется важным использование методов теоретизирования, разработанных последователями символического интеракционизма. (Г. Блумер, Ч. Кули, Д. Мид, У. Томасон). Так же следует обратиться к исследованиям в рамках феноменологической социологии А. Шюца.

Расширению возможностей при проведении исследований всей многогранности феномена коррупции, способствует использование методологических приёмов социологии культуры, сформированных в рамках понимающей социологии.

Как известно, основная задача социологии культуры состоит в соизмерении коллективных уровней смысловых конструкций, с определенными общественными условиями, характеризовать их социокультурную динамику. Социология культуры фокусирует внимание, прежде всего, на аспектах, конституирующих каждое явление социального измерения, а именно, смысловые компоненты, с которыми взаимодействует любое социальное действие [52, с. 99].

Таким образом, в результате социокультурного подхода к анализу феномена коррупции, объективируется возможность исследовать смысловой контекст нарушений социального порядка акторами и легитимации в их мировоззрении различных форм девиаций в системе социального устройства.

Опираясь на теоретико-методологический фундамент социологии культуры, сформированный классиками социологической науки, и учитывая объективацию массового распространения коррупции в современном транзитивном обществе, также считаем необходимым использование научных взглядов постмодернистской социологической парадигмы.

Следует отметить, что характерной чертой научно-исследовательской парадигмы данного периода явилось безусловное рассмотрение социальных явлений сквозь призму процессов трансформации ценностных стереотипов в общественном сознании. Данная тенденция в полной мере проявилась и в анализе проблем нарушения правового порядка, актуализируя настоящую проблематику через рассмотрение системы правовых ценностей, как основы культурно-правовой нормативности.

Наряду с этим, анализируя социокультурные основания формирования правовых ценностей, некоторые ученые подразумевали наличие особого типа правосознания, характерного именно для российского общества. Данный тип правового сознания воспроизводился на протяжении различных исторических эпох и, бесспорно, оказывал влияние не только на характер усвоения правовых ценностей, но и на особенности отношений к праву и правовой системе.

Необходимо обратить внимание, что в научном дискурсе об особенностях российского общественного правосознания, просматриваются две специфические особенности, воспроизводящиеся на разных этапах отечественной культуры и истории. Первая особенность связана со спецификой юридического менталитета российского социума, который изначально отличался небрежным, негативным отношением к праву. Вторая особенность – этатизм, включающий чрезмерную,

неоправданную ориентацию на государственную власть и сопровождающийся бесправностью личности в ее отношениях с государством. Данное положение усугубляется переходным характером развития российского общества, находя отражение в низком уровне правосознания большинства граждан, характеризующимся воспроизводимыми в общественном сознании нигилистическими правовыми установками [59, с. 114].

Продолжая социокультурный анализ феномена коррупции, следует отметить, что в современной научной дискуссии рядом ученых ставится вопрос о необходимости рассмотрения в качестве основной угрозы данного явления, угрозу ее активной легитимации в общественном сознании российских граждан.

На наш взгляд, легитимность коррупционных проявлений в ментальности россиян обусловлена, прежде всего, культурно-историческими особенностями становления российского социума, наличием устойчивых культурно-нравственных традиций, характеризующихся аскрептивностью и патернализмом, а также присутствием инновационных ценностных ориентаций постреформационного периода, культивирующего, в том числе, идеи потребительства и гедонизм.

В то же время, мы считаем, что феномен коррупции, вследствие охвата большинства субъектов стратификационной системы общества, свидетельствует об усиливающихся угрозах криминализации российского миропорядка, о наличии глубокого кризиса морально-нравственного и психологического состояния не только общественного, но и индивидуального сознания. Следует отметить, что данные процессы, вместе с тем, характеризуются и деструкцией системы ценностей, противоречиями между провозглашенными целями и возможностью их реализации для большинства гражданского населения.

Данное состояние социальной системы представителями классической социологии, такими, как Э.Дюркгейм и Р. Мертон охарактеризовано как

состояние аномии. Аномия, как известно, характеризуется, прежде всего, разнообразным и постоянно расширяющимся спектром социальных девиаций.

Анализируя явление коррупции в качестве наиболее рискогенной по негативным последствиям девиации, следует отметить, что его возникновение рядом ученых трактуется как результат конфликта между социальными и культурными аспектами современного российского общества, находившегося на рубеже двух веков в состоянии транзиции. В трудах основоположников структурного функционализма (Р. Мертон, Т. Парсонс), именно наличие несоответствия между социальной структурой (организованная совокупность общественных отношений) и культурой (организованная совокупность нормативных ценностей) выделялось в качестве основной детерминанты, продуцирующей девиантное поведение.

Продолжая данный системный анализ, хотелось бы отметить, и то, что одной из наиболее влиятельных детерминант коррупционных моделей поведения является культурно-правовое состояние социальной среды. Как известно, собственное обоснование прав на определенные коррупционные действия в мировоззрении индивидов происходит в процессе восприятия и ими окружающей реальности, образцов поведения других лиц и способов их действий.

Вместе с тем следует отметить, что многократный опыт соотнесения практикуемых способов действия с гарантированностью желаемых результатов, формирует в сознании индивида устойчивое восприятие коррупционных схем, как наиболее комфортных и, соответственно, целесообразных.

Возвращаясь к оценке значимости культурных ценностей в поведенческой модели личности, следует, на наш взгляд, отметить, что при определении линии своего поведения, человек опирается на систему ценностных представлений (ориентации), в которой одни ценности располагаются выше других, им отдается предпочтение. Это, в свою

очередь, бесспорно, влияет на мотивацию поступка, выбор целей и средств их достижения.

Известный российский ученый В.И. Добренков, оценивая значение норм и ценностей в организации общественного устройств, пишет: «...социальные нормы и ценности действительно придают системный характер социальным отношениям, формируя систему координат для различения социально одобряемого и социально порицаемого поведения» [29, с. 11].

Таким образом, анализ результатов исследования дает возможность сделать вывод о том, что социокультурное основание социально одобряемой личностно - поведенческой парадигмы должно обеспечиваться сформированными и функциональными механизмами контроля над соблюдением тех или иных устоев в поведении, принятых в существующей системе ценностей. Именно социокультурный подход, в данном научном контексте, рассматривает ценности как главные социально-нормативные регуляторы общественной жизни и поведения.

Следует, на наш взгляд, в рамках данного подхода обратить особое внимание на исследования, посвященные этиологии понятия «социокультурный статус». К базисным элементам нормативной системы, формирующей тот или иной социокультурный статус агента, следует отнести обычаи, нравы, законы.

В то же время необходимо отметить, что социокультурный статус нельзя нормативно декларировать, его можно формировать в процессе выстраивания определенной ценностной парадигмы, основанной на легитимных культурных стереотипах.

Однако формирование статусности, как таковой, требует четко выстроенной структуры ее восприятия, то есть как некой определенной социальной реальности. Система восприятия представляет собой спонтанную ориентацию актора и (или) группы на выявление в определенной социальной сфере устойчивого повторяющегося взаимодействия между ее элементами. Такое отношение для данного

социума считается типичными, само собой разумеющимся, определяющим его социокультурную специфику [73].

Необходимо также констатировать, что ряд ученых в условиях нарастания криминогенных практик, обозначают в качестве основного риска их легитимацию в общественном сознании социума. (Г.С. Денисова, А.П. Михайлов, К.В. Краснюк). По их мнению легитимация не только конституирует институциональный порядок, но и придаёт когнитивную обоснованность объективированным значениям каждого отдельного индивида. В связи с этим, девальвация ценностных установок транзитивного общества, а также совокупность знаний о специфике социальной реальности, усвоенная актором редуцируют общепринятую нормативно-ценностную сферу. Как следствие, легитимация оправдывает деструктивный выбор модели поведения и придаёт криминализированным нормам характер практического императива. В свою очередь, П. Бергер так оценивает значение процесса легитимации в обществе: «Легитимация говорит индивиду не только почему он должен совершать то или иное действие, но и то, почему вещи являются такими, каковы они есть» [10, с. 32].

В контексте исследования проблем легитимации коррупции в общественном и индивидуальном сознании, особый интерес вызывает дискурс о том, с помощью каких специфических механизмов девиантные формы (коррупционные модели поведения) интегрируются в совокупность устойчивых интеракций.

Ассимиляция противоправных, с нормативно-правовой точки зрения, асоциальных и деструктивных, с точки зрения, общепринятых гуманистических, моральных и нравственных ценностей, подтверждает наличие логических интенций деструктивного выбора, вне зависимости от фактической этиологии. Сама ментальность, характеризующаяся признаками устойчивости и логически прослеживаемой специфической определённой восприятия, интегрирует в себя как осознанный и целенаправленный выбор акторов - носителей асоциальных морально-

нравственных установок, так и интернализацию индивидом конкретной ситуации, при которой она используется для реализации обособленных специфических задач.

Т. Парсонс в известной теории «социального действия» отмечал: «Именно культурные факторы играют главенствующую роль как в поддержании социального порядка, так и в процессе социального изменения» [73].

Тем самым, в научной теории была воплощена реальная возможность познать, как на основе смыслов субъективного свойства индивидами формируется социальная реальность, являющаяся по существу продуктом культуры.

В связи с этим, определенную роль играет осмысление социокультурных условий, сложившихся в постреформенной России, а также образовавшихся каузальных взаимосвязей между культурными и социальными аспектами, в условиях аномии транзитивного общества. Именно сложившиеся условия во всех спектрах социокультурного взаимодействия, на наш взгляд, формируют логику возникновения и развития явления коррупции.

В то же время, следует отметить, что любое социокультурное явление обязательно должно быть функционально целесообразно и обеспечивать удовлетворение тех или иных биологических, психических и социальных нужд. [65, с. 79].

Вместе с тем, теоретизирование самих процессов обусловленности норм и ценностей социальной средой, нашло отражение в научных трудах таких ученых, как К. Маркс, М. Вебер, Э. Кассирер, М. Фуко и других. Анализ сущности данных процессов в условиях постиндустриального социума, проводился П. Бурдьё, разработавшим, в свою очередь, современную концепцию социологии культуры на принципах структурализма (постструктурализма).

С целью раскрытия факторов, детерминирующих коррупционные модели поведения и осмысления признаков, способствующих эффективной легитимации рассматриваемых значений в мировоззрении индивида, считаем значимым применение некоторых теоретических положений концепции социологии культуры, предложенной П. Бурдьё, в части таких понятий, как «габитус», «поле», «капитал».

Так, под понятием «габитус» автором рассматривается динамический спектр привычек, поведенческих традиций, организующих практику их носителя. Габитус, по мнению П. Бурдьё, формируется под влиянием социальных условий, таких как воспитание, классовая принадлежность, культурные нормы и т.д.

Коррупционное поведение, на наш взгляд, имеет в своей основе рационально-экономическое целеполагание акторов. Сфера деятельности, обладающая конкретной внутренней логикой и «правилами игры», формирующая собственные цели, определена в концепции П. Бурдьё как понятие «поле». По его мнению, данные поля отличаются своей иерархичностью. Одни из них охватывают довольно широкие области, такие как, например, экономическое поле. Оно более обширно, чем поля узкого специфического направления деятельности (медицинская сфера, правоохранительная деятельность, социальное обеспечение, образование и др.). Каждое из полей включает в себя совокупность позиций, которые определяют характер взаимодействия внутри них, подразумевает собственные правила, а так же механизмы их достижения в ходе интеракций.

В экономическом поле, в качестве императива, выступает извлечение прибыли или получение того или иного материального блага. Рационализм и прагматичность коррупционных схем, по нашему мнению, заключается в стремлении гарантированно достичь желаемых результатов в возможно более сжатые сроки. При этом, многообразие форм и механизмов, а также средств достижения целей, адекватно поливариативности суждений об их допустимости и моральности.

Определяя общие признаки и свойства полей, П. Бурдьё обосновывает существование борьбы за власть и, так называемый специфический «капитал». Одновременно он отмечает, что индивиды, соперничая друг с другом, обладают различным капиталом, что, в конечном счете, и обуславливает их шансы.

Так, к видам капитала, определяющего возможности возникновения коррупционных проявления в различных сферах, П. Бурдьё относит экономический, социальный и символический капиталы.

К экономическому капиталу он относит деньги и материальные ресурсы, к социальному - капитал, содержащий выгодные связи, знакомства и влияние. К символическому капиталу П. Бурдьё предлагает относить престиж, славу, «имя», происхождение [18].

По нашему пониманию, условия выбора акторами коррупционных форм поведения опосредуются выводом о том, что поле культуры, включённое в более широкое экономическое поле, подчинено не только своей логике, но и логике последнего.

Следует также отметить, что в условиях признаков аномии в социокультурном пространстве после реформенной России, коррупции, как явление, демонстрирует проникновение признаков экономических взаимоотношений в сферу повседневной жизни и деятельности индивида, в которой, при отсутствии моральных и нравственных стереотипов, деградируют культурные основы ментальности, легитимируясь в общественном и индивидуальном мировоззрении.

Рационализация действия как конституирующий механизм экономического поля обосновывает восприятие социокультурного феномена коррупции в качестве целесообразного. В данном контексте М. Вебером представлен подробный анализ рационализации культуры и форм социальной жизни, являющихся характерной чертой современной реальности.

Этот подход М. Вебера, на наш взгляд, является ключевым в понимании потенциальных возможностей активизации внутренних механизмов социокультурного сдерживания индивида. Как следствие, основное сосредоточение усилий общества и государства в противодействии коррупции, создании атмосферы её жёсткого неприятия должно быть направлено на поощрение ценностно-рационального поведения. Преимущество такого подхода заключается в том, что он полностью соответствует «духу времени», тем глобальным культурным изменениям сознания, вызванным трансформацией общества, объективно существующей тенденции перехода к экономическим принципам регулирования в сфере социального взаимодействия.

Относительно воздействия рационализма на поведение отдельного человека, М. Вебер писал: «Рационализм, «будучи стержнем «грандиозного космоса современного хозяйственного устройства», подвергает «неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения» [21, с. 64].

Раскрывая механизмы социального обмена, мы отмечали наличие внутренней потребности индивида в оптимизации деятельности, его стремлении избежать не только материальных, но и нематериальных потерь. Таким образом, отсутствие отлаженности в деятельности бюрократического аппарата, реализующего ряд государственных функций, обеспечивающего, так или иначе, жизнедеятельность граждан, создаёт условия, при которых актор выбирает коррупционную либо близкую к ней (аскриптивную, патерналистскую) модель поведения. М. Вебер отмечал: «Рационализация жизни современных обществ проявляется и в формировании сложных крупных структур – бюрократических организаций, коммерческих организаций, технических систем - отчужденных от человека, действующих на основе рациональных формализованных правил подобно неким

«машинам». Человек вынужден подчинять свою жизнь логике функционирования этих структур, которые, зачастую, даже непонятны ему» [21, с. 64].

В то же время, наряду с конфликтом «культурной» и «социальной» составляющей, характерным для постиндустриального общества, является разрыв между объективными и субъективными аспектами культуры, проявляющимися в расхождении целей и средств, и определяющими деструктивный выбор индивида.

Исследуя конфликт современной культуры и культуры отдельно взятого индивида, продуцирующий в последствии атомизацию личности в обществе, свободу от стандартов морали и культуры в целом, Г. Зиммель описывает проявления постиндустриального общества, детерминирующие явления отчуждённости человека от общества, его дезориентации в нём, толкающие к имманентному выбору механизмов адаптации в нём. Он пишет: «Нам противостоят бесчисленные объективации духа, произведения искусства и социальные нормы, институты и познания, подобно управляемым по собственным законам царствам, притязающие на то, чтобы стать содержанием и нормой нашего индивидуального существования, которое в сущности, не знает, что с ними делать, и часто воспринимает их как бремя и противостоящие ему силы» [37, с. 490].

Образовавшийся в результате рассогласования целей и средств диссонанс, отмеченный Г. Зиммелем, позднее стал объектом исследований Р. Мертона в его концепции аномии.

На основании вышеизложенного полагаем, что в период пересмотра ценностных ориентаций, связанный с процессом транзисии общества, сменой его формации, а также приоритетностью удовлетворения материальных потребностей, вызванным снижением уровня жизни большинства населения, индивид становится отчуждённым от культуры и вынужден трансформировать ранее приобретённые культурные формы, придавая им понятную логику развития.

«Реальные человеческие действия должны удовлетворять требованию «смысловой адекватности», - утверждал М. Вебер. При этом, адекватной смыслу он называет такую типическую конструкцию, в которой соотношение между ее компонентами «представляется с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим: правильным) смысловым единством» [20, с. 611].

Особое место в понимании феномена коррупции в современной исследовательской парадигме занимают работы Д. Белла - основателя теории постиндустриального (информационного) общества. Анализируя новые характерные особенности социума, сформировавшиеся в рассматриваемом им периоде, учёный констатирует, что отсутствие прочно укоренившейся системы моральных устоев является культурным противоречием самого общества, адресованным ему вызовом [9, с. 651-652].

Подтверждаются выводы, сделанные Д. Беллом, заключениями исследований социальной жизни с позиций культурологии теоретиков постмодерна Ж. Бодриера, Ж. Деррида, Ж. Лиотара, М. Фуко и др.

Наряду с другими особенностями постсовременного общества они выделяют следующие: поверхностный взгляд на мир, ослабление эмоций, утрата историчности, фрагментированность жизни, утрату устойчивых связей между людьми.

Ф. Уэбстер, полемизируя с теоретиками постмодерна в своей теории информационного общества, писал: «Использование критериев эффективности и товарности ведет к иному пониманию истины, она должна определяться через понятие полезности. Истина перестала быть непререкаемой... её стали интерпретировать в духе практических потребностей институтов общества. Таким образом, возникает определяющая черта постмодернизма: место ИСТИНЫ занимает «множество истин», и больше нет никакого общепринятого способа выбора среди элементов этого множества» [86, с. 347].

Лиотар утверждает: «Отныне истина – вопрос выбора, остается только то, что принято в данном контексте считать истиной» [86, с. 347-348].

Всеобщая амбивалентность восприятия правильного и неверного, диффузность ценностей, широкая поливариативность мнений продуцируют утрату уверенности индивида в правильности сделанного выбора.

В то же время, согласно мнению теоретиков постмодернизма, человек постсовременности гораздо свободнее, чем люди, жившие в более ранние эпохи. Свобода проявляется во всем: от образа мысли и способов самовыражения до передвижений по миру и отношений между полами. Однако ничем не ограниченная свобода выбора оборачивается свободой от самого себя – проблемой кризиса идентичности [61, с. 206].

Накопленный в рамках различных направлений и концепций социологии теоретический опыт обуславливает возможность рассмотрения более существенного спектра детерминант феномена коррупции и, несмотря на усложненный состав предмета исследования, достаточный уровень разработанности темы, позволяет осмыслить возможные пути социокультурного сдерживания коррупционных проявлений. Специфичность изменений взаимосвязей культуры и социальной структуры общества постмодерна, прослеживаемая в появлении новых явлений, продуцирует поиск новых альтернативных подходов к изучению механизмов построения теоретических моделей адекватных ожиданиям современной действительности.

О важности применения зарубежных теоретико-методологических основ социологии в исследовании современной российской реальности, опосредованной происходящей постмодернистской революцией в познании жизни, говорит тот факт, что Россия в плане взаимоотношений культуры и общества, оказалась в той же точке континуума социокультурных изменений, что и развитые западные страны [41, с. 11].

Особую актуальность для нашего исследования, ввиду гетерогенности конституирующих коррупцию значений и высокой скорости социальных

изменений, представляет изучение процессов адаптации населения к новым социокультурным условиям. Ответ на вопрос о способности индивида, проходящего социализацию, противостоять деструктивным значениям, опосредованным коррупцией, позволит решить стратегическую государственную задачу построения здорового гражданского общества.

Анализируя особенности социокультурного подхода к исследованию механизмов функционирования системы ОВД, следует отметить, что научные разработки данной проблематики, неразрывно связаны с пониманием особой функции правовой культуры. Данная функция содержит в себе социокультурную обусловленность понимания права и правовой идеологии, которые, в свою очередь, активно влияют на процессы социализации россиян.

В данном случае правовая культура через психологические ожидания и установки, через философские, социально-экономические и политические представления, формирует определенную структурную парадигму восприятия правоохранительной системы.

Используя в наших исследованиях опыт формирования статуса правоохранительных органов России в дореформенный период, следует, прежде всего, отметить, что отсутствие в советском обществе глубинных социально-экономических противоречий между социальными группами, позволяло на уровне символического универсума конструировать позитивный образ органов правопорядка.

Следует отметить, что милиция была представлена не как сила, стоящая над обществом и защищающая интересы его имущей части, а как общественная организация, с которой легко отождествлялся любой советский человек. Вспомним знаменитую сцену первого допроса шофера Румянцева из классического советского кинофильма «Дело Румянцева». Следовательно, справедливо отвергающий попытку подозреваемого назвать его товарищем («Тамбовский волк тебе товарищ!»), воспринимался зрителем

(причем к этому его подталкивали авторы фильма, выстраивая образ «плохого» следователя) [54, с. 97].

Внешним проявлением массового увлечения образами культовых «героев в милицейских погонах» стал огромный интерес к художественным произведениям о деятельности милиции. Сверхпопулярностью пользовались телесериалы «Рожденная революцией», «Следствие ведут знатоки», «Место встречи изменить нельзя» и ряд других. Наблюдался ажиотаж вокруг подписок на журналы «Человек и закон», «Советская милиция» и приложения к ним. Любой советский детектив, выпущенный тем или иным издательством, мгновенно становился предметом чаяния любителей чтения. Зачастую тираж расхищался, так и не побывав на прилавках, все тем же «теневым путем» среди «своих» людей [67, с. 16].

Заслуживает внимания предпринятая А.Ю. Зудиным попытка формулировать на уровне социального и культурного пространства проблему «интеллигентного милиционера» и пропагандировать ее в следующий широкий контекст. А.Ю. Зудин пишет: «Официальная культура буквально тиражировала "интеллигентные образы"» [39, с. 149]. В кинематографе появились и очень быстро заняли доминирующие позиции «интеллигентный милиционер» (именно так, на первом месте списка), «интеллигентный военный», «интеллигентный партработник», рабочий, наделенный чертами «внутренней интеллигентности». И даже фигура советского разведчика и сотрудника органов госбезопасности наделяется в официальной культуре чертами подлинной «интеллигентности» (В. Тихонов в фильме «Семнадцать мгновений весны», О. Даль - «Вариант Омега», С. Любшин - «Щит и меч» и ряд других) [54, с. 96].

Конструирование позитивного образа работников правоохранительных органов отвечало идеолого-политическим требованиям аппарата управления, обеспокоенного пошатнувшимся репутацией репрессивных институтов. Наряду с этим можно отметить влияние возросшего уровня образования населения СССР на качественный состав правоохранительных органов и на изменение

содержания ожиданий, предъявляемых населением к правоохранительным органам.

Дети младшего школьного возраста с большим интересом читали любимую книгу «Дядя Степа», рассказы Н. Носова и других детских писателей, и перед ними возникал образ «дяди милиционера», который неожиданно и в нужный момент появлялся, выручая попавших в беду героев. В этих произведениях важно было показать добродушно-юмористический образ милиционера, позитивно воспринимаемого обществом, а не акцентировать силовой характер правоохранительного института. Целью такого ракурса были создание «домашнего» отношения к правоохранительным органам, изживание фобий и предрассудков по отношению к ним, начиная с детского сада и школьной скамьи [54, с. 111].

Взрослое население, в зависимости от социальной принадлежности, тоже получало ожидаемые образы милиционеров. Так, главный герой фильма «Рожденная революцией» Николай Кондратьев медленно, но уверенно превращается из «деревенской натуры» в типичного городского интеллигента. В книге «Повесть об уголовном розыске», по которой снят этот сериал, этот момент выражен еще более ярко: в одной из глав жена дарит Кондратьеву рассказы о Шерлоке Холмсе на английском языке, после чего герой принимает решение начать самообразование. Простонародные черты акцентируются в герое Ю. Никулина в фильме «Ко мне, Мухтар!» [54, с. 112].

Однако социокультурный статусный потенциал, накопленный в советскую эпоху «растворился» за годы постсоветских реформ в процессе развития нигилистического отношения к правопорядку и его представителям.

В то же время, современная социокультурная реальность актуализирует исследования основных детерминант, обуславливающих воспроизводство «девиантных версий» восприятия населением России правоохранительных органов. Перед идеологическими государственными

институтами стоит задача воссоздания положительного образа представителя охраны правопорядка, наделения его качествами, пользующимися уважением в общественном сознании населения.

Преимущество социокультурного анализа феномена коррупции заключается не только в возможности использования широкой поливариативности методов исследования, применяемых в рамках социологии в целом. Примечательно и наличие самостоятельных, не согласующихся с методологическими установками, принятыми в других социологических областях, интерпретаций культуры и отношений между ней и социальной структурой.

Расширению возможностей при проведении исследований всей многогранности феномена коррупции способствует использование методологических приёмов, данного подхода при анализе культурных явлений, как социология культуры, сформировавшегося в рамках понимающей социологии.

Как известно, основная задача социологии культуры состоит в соизмерении коллективных уровней смысловых конструкций, с определенными общественными условиями, характеризовать их социокультурную динамику. Социология культуры фокусирует внимание, прежде всего, на аспектах, конституирующих каждый феномен социального измерения, а именно, смысловые компоненты, с которыми взаимодействует любое социальное действие.

Таким образом, в результате социокультурного подхода к анализу феномена коррупции, объективируется возможность исследовать смысловой контекст нарушений социального порядка акторами и легитимации в их мировоззрении различных форм девиаций в системе социального устройства.

Опираясь на теоретико-методологический фундамент социологии культуры, сформированный классиками социологической науки, и учитывая объективацию массового распространения коррупции в современном

транзитивном обществе, автор считает необходимым использование научных взглядов постмодернистской социологической парадигмы.

Следует отметить, что характерной чертой научно-исследовательской парадигмы данного периода явилось безусловное рассмотрение социальных явлений сквозь призму процессов трансформации ценностных стереотипов в общественном сознании. Данная тенденция, в полной мере, проявилась и в анализе проблем нарушения правового порядка, актуализируя настоящую проблематику через рассмотрение системы правовых ценностей, как основы культурно-правовой нормативности.

Вместе с тем, анализируя социокультурные основания формирования правовых ценностей, некоторые ученые подразумевали наличие особого типа правосознания, характерного именно для российского общества. Данный тип правового сознания воспроизводился на протяжении различных исторических эпох и, бесспорно, оказывал влияние не только на характер усвоения правовых ценностей, но и на особенности отношений к праву и правовой системе.

Теоретическое осмысление подходов к коррупции в контексте девиантного поведения позволяет нам предложить следующее определение коррупционного поведения представителями органов внутренних дел:

- коррупционное поведение сотрудников органов внутренних дел - противоправная деятельность, связанная с исполнением должностных полномочий, обусловленная корыстной мотивацией и содержащая в себе признаки культурно-правовой деструкции.

1.3. Девиации поведения сотрудников ОВД современном социологическом дискурсе

Следует отметить, что современный дискурс о проблемах девиантного поведения в среде сотрудников органов внутренних дел, включая и

исследования коррупционных аспектов в профессиональной деятельности, можно разделить на две основные подгруппы.

К первой подгруппе, на наш взгляд, можно отнести исследования, связанные с проблематикой подбора и специального образования будущих сотрудников, формирования в стадии обучения антикоррупционного стандарта в поведении, организации правовой социализации во время образовательного цикла.

Данной проблематике посвящены работы специалистов, теоретиков и практиков в данной предметной области, таких как А.В. Домнина, В.Я. Кикоть, А.М. Столяренко и др. В рамках региональной научной школы исследования проводились Г.Н. Березиным, Е.В. Вартанян, И.В.Шевченко и др.

Вторая группа исследований посвящена проблемам формирования профессиональной идентичности специалистов правоохранительной сферы, их социального статуса, как фактора, минимизирующего «девиантные» версии восприятия обществом современной полиции (Е.И. Жукова, С.Г. Кара-Мурза, К.В. Краснюк, А.И. Кузнецов, А.В. Мяготин, С.В. Егорышев),

К этой группе можно отнести исследования причин конфликтности и отклоняющегося, в том числе, коррупционного, поведения сотрудников (А.В. Артюхов, А.Р. Каспаров, В.А. Радченко и др.).

Анализируя теоретическую сущность исследований первой группы, необходимо отметить, что результативность данной деятельности обуславливается не только пониманием обучающимися их будущих основных целей и способов их достижения, но и зависит от успешности общегосударственной системы правовой социализации молодого поколения, с определенной периодичностью пополняющего систему органов внутренних дел.

Так, в работе «Противоречивость социализации и воспитания молодежи в условиях реформ» В.В. Морозова и А.В. Скребова, авторы отмечают: «Анализируя результативность и содержание процесса правовой

социализации молодежи, избравшей в качестве будущей профессии правоохранительную деятельность, следует отметить, что правильность определения ее целей и задач имеет первостепенное значение. Бесспорно, что воспитание всегда связано с целенаправленным, организованным воздействием на всю личность, и правовое воспитание следует понимать в этом же значении. Оно представляет собой последовательное и систематическое воспитательное воздействие на молодых людей с целью формирования и поступательного развития их правовой культуры» [65, с. 312].

Бесспорно, что большинство исследований правовой культуры как основного механизма правовой социализации и предупреждения отклоняющегося поведения, проводится как в рамках юриспруденции (Р.С. Байниязов, В.С. Грачев, В.А. Медведев, Р.М. Овчиев и др.), так и на научном поле политической социологии (И. Ю. Новичкова), социальной философии (Ю.Ю. Бугаенко), социологии культуры (Я.В. Зубова, А.П. Михайлов), социологии социальных структур, социальных институтов и процессов (А.В. Куликова) [24, с. 146].

Необходимо отметить, что деятельность по усилению эффективности целенаправленных мероприятий, организованных в процессе образовательной деятельности в специальных учебных заведениях системы МВД, обуславливающих успешность системы правовой социализации специалистов, требует, в том числе, ее теоретического изучения.

Данное изучение должно строиться, опираясь на опыт, полученный при организации таких традиционных мероприятий, как научные и теоретические исследования, социально-педагогическая деятельность образовательных коллективов, одобренный практичными специалистами и представителями широкой общественности. [73, с. 148].

В то же время, в общегосударственной системе формирования антикоррупционного стандарта профессионального поведения, бесспорно, играет качество самого юридического образования, как ведущего компонента

создания нормативно-правового фундамента функционирования социума. Тем более, что главенствующее значение принадлежит юридическому образованию в ходе создания профессиональной основы правоохранительной отрасли. А.В. Домнина в исследовании «Новые тенденции, складывающиеся в сфере высшего юридического образования, их влияние на формирование профессионального правосознания», дает следующую характеристику значению юридического образования: «В формировании профессионального правосознания особую роль играет высшее юридическое образование, которое имеет общие признаки, свойственные высшему профессиональному образованию в целом, а также особенности, вытекающие из природы юридического образования. Юридическое образование - это не только форма передачи необходимых профессиональных знаний и навыков, но и трансляция правового опыта, правовых ценностей и идеалов» [30, с. 10].

Следует обратить внимание на то, что основное количество специалистов правоохранительной сферы подготавливается специальными учебными заведениями системы МВД, в которых наработан значительный опыт профессионального становления учащихся.

В монографии «Отечественный опыт нравственного воспитания на этапе ранней профессиональной ориентации в контексте проблем организационной культуры в системе МВД России» Г.Н. Березин отмечает: «Основными направлениями работы по профессиональной ориентации в образовательных учреждениях МВД являются:

- во-первых, профессиональное просвещение юношей с учетом специфики каждой специальности, тех требований, которые предъявляются к качествам и свойствам личности офицера, включая и отношение к коррупционным механизмам;
- во-вторых, формирование устойчивой профессиональной направленности. В профессиональной направленности находят свое проявление все общественно значимые качества человека, а так же

позитивное отношение к самой службе в органах внутренних дел и интерес к ней;

- в-третьих, развитие у юношей стремления к активному выбору профессии, формирующееся на общечеловеческие ценности и нормы.

Этот процесс, в структурном отношении, включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов:

а) познавательный процесс (знание особенностей профессии сотрудника ОВД и понимание сущности и значения данной профессиональной деятельности);

б) эмоционально-волевой (позитивная этно- и профессиональная идентичность, готовность к поступлению в соответствующее учебное заведение);

в) поведенческий (реальные действия воспитанника по поступлению в учебное заведение);

- в-четвертых, развитие социально значимых мотивов выбора профессии сотрудника органов внутренних дел (осознанная потребность заниматься данной профессиональной деятельностью, интерес к ней, желание посвятить свою жизнь борьбе с преступностью и правонарушениями и др.);

- в-пятых, профессиональная диагностика и консультация, т.е. всестороннее изучение развивающейся личности юноши с учетом личностной и профессиональной перспективы.

Вместе с тем следует обозначить тот факт, что (уточняющий) этап профессиональной консультации, тесно связан с начальным периодом адаптации будущего воспитанника к условиям деятельности в учебном заведении. На этом этапе, как бы подводится итог эффективности работы по профессиональной ориентации, очень тесно связанный с проблемой формирования способностей и явлениями временного, а иногда и стойкого их снижения» [12, с. 82].

Необходимо так же отметить, что процесс формирования личностных качеств профессионалов правоохранительной системы, как правило,

реализуется через социально-правовую парадигму культурной модели формирования личности. Значительная исследовательская деятельность в данном направлении проведена такими учеными, как С.С. Алексеев, Т.И. Заславская, В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук, Н.Е. Покровский и др.

Отдельно следует обратить внимание, что в ряде проводимых исследований, связанных с отклонениями в поведении представителей современной полиции особое место занимает тематика, посвященная проблемам нигилистического отношения к правовым нормам, опосредующая, в свою очередь, теоретическое понимание причин коррупционных проявлений.

Так, анализу данного социально-правового и политического феномена российской реальности посвятили свои работы Н.И. Болдышева, Н.В. Варламова, В.И. Гойман, Е.В. Гришай, В.Д. Ломовский, Н.И. Матузов, А.И. Новиков, В.В. Сергеев, Э.Ю. Соловьев, В.А. Туманов и др.

Также при подготовке будущих специалистов, ученые особую актуальность придают такому понятию как «ценность», которое сегодня стало не только социально-философской, но и культурно-правовой категорией. Представители современной образовательной теории и практики признали, что в основу процесса подготовки юридических кадров должна быть положена философия общечеловеческих ценностей [27, с. 134].

Немаловажное значение приобретает также вопрос, связанный с оценкой общего уровня правовой культуры современной молодежи, из числа которой в будущем будут формироваться правоохранительные институты. Ряд ученых, таких как Я.В. Зубова, Е.Н. Корелкин, А.П. Михайлов, М.В. Саакян, С.В. Сергиенко отмечают низкий уровень правовой социализации на ранней стадии формирования личности.

Проводя анализ прослеживаемой тенденции, авторами отмечается, что традиционно ранняя правовая социализация и профессиональная ориентация молодого поколения ассоциируется, как правило, с процессом обучения в средней школе. Однако в условиях модернизации системы

общего образования, произошли значительные изменения, не только во внешней (организационной), но и во внутренней (в области научного осмысления проблемы образования на уровне современного общепсихологического познания). Трансформировалась структура образования, количество учащихся в различных учебных заведениях, лиц, задействованных в преподавательской, управленческо-консультативной, обслуживающей, а так же исследовательской работе, а также приумножились виды учебных учреждений и характер предоставляемых услуг в сфере образования.

Исследуя данную проблему в контексте институциональных механизмов взаимодействия самих индивидов и заинтересованных органов, следует отметить, что, образовавшийся культурно-идеологический вакуум, после упразднений комсомольских, пионерских и других идеологических организаций, не был замещен альтернативными и адекватными детско-молодежными и досуговыми институтами.

Таким образом, образовался ощутимый разрыв в координации усилий между внешкольными и внеклассными учреждениями и организациями, осуществляющими образовательную и профессиональную подготовку детей, подростков и молодежи, на протяжении значительного исторического периода времени организовывавшими процесс социально-правового воспитания.

Вместе с тем, осознавая междисциплинарную сущность проблемы культурно-правового воспитания в целом, необходимо констатировать, что в общем комплексе правовых факторов действуют и свои юридико-педагогические парадигмы по повышению уровня правовой культуры. К ним можно отнести:

1) наличие и эффективность системы правового всеобуча, целенаправленного и персонифицированного комплекса правовой пропаганды и др.;

2) функционирование при органах власти, в учреждениях образования, по месту жительства специальных уполномоченных лиц, подразделений, групп профессионально осуществляющих юридико-педагогическую деятельность по обучению правовым основам поведения;

3) осуществление воспитательной и пропагандистской задачи по повышению уровня ответственности родителей, по укреплению их личной дисциплины и ответственности;

4) эффективная деятельность институтов личностной социализации по предупреждению правонарушений и преступлений, особенно среди подростков и молодежи;

5) компетентная организация управления органами, исполняющими педагогическую функцию;

6) профессионально – педагогическая подготовленность специалистов, чья деятельность предполагает осуществление психолого-педагогических задач [93, с. 209].

Необходимо обратить внимание, что на стадии поступления молодого человека в высшее учебное заведение, готовящее специалистов правоохранительной отрасли, система профессиональной подготовки предполагает наличие у него определенного уровня правовой социализации, сформированного ранее в образовательных организациях (в школе).

Действительно, в современных школах, являющихся главенствующим институтом ранней социализации, используются некоторые формы, ставящие своей целью повышение уровня правовой культуры. Это, например, такие дисциплины как «Основы права», «Основы потребительской культуры», факультатив «Правоведение». Имеют определенный содержательный смысл мероприятия, направленных на повышение эффективности усвоения элементов правовой культуры (изучение Конвенции ООН о правах ребенка, Конституции РФ, Федерального Закона «Об образовании», и т.д.).

Также следует отметить, что современная педагогическая практика демонстрирует, что правовое поведение детей и подростков не может быть сформировано обособленно, то есть в отдельности от иных видов сознания.

Однако даже при поверхностном изучении состояния и содержания процесса культурно-правового воспитания в стенах школы, приходится констатировать, что современная образовательно-воспитательная модель не имеет системного качества и, как правило, организуется в объеме внеурочных и внеклассных мероприятий и не подвергается анализу и конкретной оценке в соответствии от полученных результатов практических наблюдений.

Так, А.П. Михайлов в одной из своих работ пишет: «Признавая основным методом профилактического воздействия, так называемый, информационный метод, следует отметить, что определенным основательным элементом формирования правосознания можно считать введенный в программу несколько лет назад курс «Граждановедение», в котором внимание уделяется вопросам пьянства несовершеннолетних, наркомании, токсикомании, беспризорности и др.» [63, с. 78].

А.П. Михайлов также предпринимает попытку оценить данный курс с точки зрения его содержательности и достаточности, как фактически единственной школьной дисциплины, призванной обеспечить формирование определенного уровня правосознания. Он приводит следующий анализ: «В школьном курсе, называемом «Граждановедение» в пятом классе (возраст 11-12 лет) вопросам, направленным на предупреждение развития девиантных практик в поведении подростков уделяется всего один раздел под названием: «Жизнь дается один раз» (5 параграфов, 33 страницы), а если учесть, что предмет преподается учащимся один раз в неделю – то раздел, посвященный профилактике асоциального поведения, изучается пятиклассником 5-7 часов в год. В 6 классе (возраст 12-13 лет) – по программе 1 раздел или 3 параграфа, 17 страниц, т.е. 3-5 часов в год. В 7 классе (возраст 13-14 лет) – весь курс, т.е. 7 разделов, 20 параграфов – 30 часов посвящены вопросам

несоблюдения правовых норм представителями молодежной и подростковой демографических групп.

В то же время, в 8 классе (возраст 14-15 лет, то есть в наиболее рискогенном возрасте для несовершеннолетних) проблеме личностного поведения уделяется всего один раздел, 3 параграфа, 13 страниц, то есть 3 часа в год» [63, с. 78].

То есть, можно согласиться с автором, который отмечает, что предлагаемый объем основных теоретических знаний, гарантирующих обязательность исполнения общественно одобряемых морально-нравственных и правовых норм, в данном объеме неадекватен динамично развивающимся тенденциям роста количественного и качественного показателя уровня правового нигилизма в подростковой и молодежной среде российского социума.

Одновременно с этим, в контексте исследования проблем формирования профессиональной идентичности специалистов, следует учитывать специфические особенности личности будущего правоохранителя, особенности его внутренней мотивации, обуславливающей выбор будущей профессии.

Свою типологию личности будущих правоведов предлагает Г.Н.Березин. Он пишет: «В частности, первый тип личности, представляет собой вариант, сочетающий увлеченность работой, как таковой, с материальной заинтересованностью и высокой общественной оценкой результатов своего труда.

Вторая типологическая группа работников характеризуется устойчивым интересом к содержанию труда, любовью к профессии, а также осознанием социальной значимости результатов трудовой деятельности, отсутствием материальной заинтересованности. Это высоконравственная категория работников. К третьему, часто встречающемуся типу, относятся работники, для которых материальная заинтересованность является ведущим мотивом отношения к труду. Это так называемый «неустойчивый тип».

Отмечается, что эта категория работников высоко ценит значимость результатов своего труда. Однако отсутствие интереса к содержанию труда порождает у них стремление к перемене профессии [12, с. 114].

Анализ мероприятий, направленных на повышение эффективности механизмов ранней культурно-правовой социализации, проведен нами с целью получения определенной информации об объеме позитивных качеств личности, будущих специалистов правовой сферы.

Проводя анализ второй группы исследований по проблемам современных органов внутренних дел, следует отметить, что современная наука к числу важнейших функций, направленных на защиту институциональных ценностей, которые в первую очередь влияют на процесс воспроизводства общества, по-прежнему относит правоохранительную деятельность.

Однако в результате исследования проблем социокультурного статуса правоохранительных органов сквозь призму правовой культуры, считаем возможным согласиться с мнением ряда ученых, полагающих целесообразным рассматривать данную культуру как особый элемент социокультурного пространства. Настоящий подход определен в научной работе М.Б. Смоленского «Правовая культура как элемент социокультурного пространства: перспективы становления в современной России» [81, с. 47].

Вместе с тем, по мнению современного научного сообщества, специфическими особенностями правового менталитета современных россиян можно считать эклектичность, неоправданный этатизм и патернализм, амбивалентность и политизированность.

Наличие данных черт менталитета напрямую свидетельствует о том, что настоящий коллективно-бессознательный фактор формирования социально-правового статуса ОВД оказывает на него негативное воздействие [47, с. 134].

При этом следует понимать, что значительная часть населения, имеющая определенный спектр ценностно-окрашенных представлений о том или ином агенте и его социокультурном статусе в социуме, формирует его на основе данных, полученных косвенно, (априорно). Непосредственно контактирует с ОВД лишь небольшая часть населения. Основная же его часть способна сформировать о них мнение на основе информационной трансляции «девиационных» версий восприятия.

С.Г. Кара-Мурза в одной из своих многочисленных работ успешно раскрывает социетальную функцию дискурса об органах внутренних дел. Он отмечает: «Важная сфера общественного сознания - восприятие отношений человека и государства в его обыденной, касающейся каждого лично форме, такой, как отношения личности с полицией. Символ стража порядка - один из главных объектов идеологии. Если идеология направлена на укрепление государства, она лепит в сознании благоприятный образ (не забывая признать и наличие «паршивых овец»). Если идеология работает на разрушение государства, она создает черный миф о полиции (не забывая прославить «белых ворон» - честных полицейских, вступающих в схватку с системой)» [47, с. 112].

А.В. Мяготин предлагает следующую оценку имиджа современных ОВД. В одной из своих работ он пишет: «К позитивным чертам имиджа современного сотрудника правоохранительных органов относятся: эстетичность образа в целом, стилевая завершенность, то есть сформированность гармоничного, целостного образа, устойчивость положительных черт в сознании и поведении, обусловленная их постоянным проявлением, примерность в выполнении этикетных норм поведения и общения, выдержанность и культурность манер, адекватность восприятия целостного образа.» [67, с. 16].

А.В. Егорышев отмечает: «В общественном мнении оценка результативности органов внутренних дел зачастую осуществляется через

действенность и силу закона: действует закон – хорошо работают органы внутренних дел, и наоборот» [33, с. 78].

В то же время, в связи с изменениями, происходящими в обществе, качество общественного мнения о правоохранительных органах и об их деятельности имеет особую актуальность. В.Б. Гончаров и В.В. Кожевников указывают: «Не считаться с общественным мнением, не замечать его сегодня нельзя, ибо оно, хотя и содержит в себе неформальные представления о борьбе с преступностью, но оказывает давление на всю деятельность правоохранительной системы» [27, с. 108].

Ряд исследователей отмечает необходимость использования искусственных средств не только для поддержания профессионального имиджа, но и для активного формирования и внедрения его показателей в массовое гражданское мировосприятия. При этом следует учитывать, что имидж социальной организации воспринимается обществом как позитивный лишь тогда, когда он соотносится со стереотипами, уже зафиксированными в массовом сознании, сложившейся системой ценностей, а также с интересами и ожиданиями социума, которые они связывают с конкретной социальной организацией.

Следует отдельно отметить, что в социологическом дискурсе проблема коррумпированности сотрудников органов внутренних дел, рассматривается, как правило, в тесной взаимосвязи с вопросами формирования их социального статуса.

Так, А.И. Кузнецов, в одной из своих работ отмечает: «Стереотип восприятия ОВД нашими гражданами исследовался с помощью ассоциативного эксперимента, в ходе которого было установлено, что, положительный имидж создают следующие смысловые ассоциации: «порядок», «защита», «безопасность», «помощь», «последняя надежда», «благородные цели» и т.п. Отрицательное отношение к данной институции – «продажность», «недоверие», «безнаказанность», «бездействие», «частое нарушение законов» и др.» [54, с. 6].

По мнению Т.А. Бондаренко, к одним из основных факторов, оказывающих влияние на формирование имиджа ОВД, относится и то, что современное законодательство не всегда в полной мере отвечает потребностям общественного развития, отражает новации, возникающие в структуре общественных отношений. Она отмечает: «Поскольку ОВД должны стоять на страже закона, каким бы он ни был, они нередко становятся «буфером» между гражданами, их правами, свободами и старыми правовыми нормами, не всегда соответствующими всем сторонам общественной жизни» [15, с. 14].

Другая часть авторов (А.В. Артюхов, Г.С. Денисова, А.И. Кузнецов, И.В. Шевченко) в качестве основного момента, генерирующего развитие коррупционных схем в органах внутренних дел, называют экономическую составляющую.

А.В. Артюхов пишет: «Как видим, различные причины спровоцировали коммерциализацию определенной части сотрудников МВД, что явилось основанием для широкого обсуждения проблем коррумпированности правоохранительных органов. Эта ситуация вызвала формирование критического отношения к сотрудникам в общественном сознании. Художественное осмысление проблемы коррумпированности милиции высветило необходимое условие эффективности работы правоохранительных органов в рыночных условиях - их финансовую заинтересованность и независимость» [8, с. 152].

Наряду с этим, смешение критериев социальной успешности на шкалу материального благополучия оправдывает ожидания, в первую очередь, материальной компенсации принятых усилий в любой профессиональной деятельности [54, с. 62].

Существует мнение и о том, что двойственность мнений в оценке полиции со стороны граждан обусловлена осознанием ими нарушения принципов равновесия в общей системе взаимодействий, одной из сторон которых выступает система правоохранительных органов. Этот принцип

является показателем отрегулированности отношений между социальными субъектами, в соответствии с теми ценностями и нормами, которые приняты в обществе. Он также свидетельствует о равноценности затрат, требуемых от субъекта социальных действий, и получаемого за это объема вознаграждения [8, с. 157].

Соответствие затрат и вознаграждений, как правило, проявляется в равновесности прав и обязанностей социального субъекта. Так, профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов требует качественной подготовки, высокой ответственности, включает большую степень риска для жизни и здоровья. Этими содержательными элементами профессиональной работы определяются ожидания высокой материальной компенсации, осуществляемых субъектом моральных и физических усилий.

Следовательно, отсутствие должной компенсации в реальности, неизбежно влечет за собой дисфункцию социального института, развитие коррупционных схем и нарастание рискогенности в системе внутренних взаимоотношений.

Вместе с тем, криминогенный потенциал содержит в себе и сама система взаимоотношений в некоторых коллективах органов внутренних дел. Некоторые эксперты отмечают отсутствие целей и неравенство направляемых усилий между руководством и личным составом подразделений, отсутствие единой кадровой политики, активизацию проявлений протекционизма и коррупционных моделей отношений внутри системы.

Глава 2. Коррупция как фактор профессиональной деформации сотрудников ОВД

2.1. Общественное восприятие девиаций сотрудников ОВД на современном этапе

Социологи утверждают, что «коррупция в правоохранительных органах стала настолько обыденной и общепринятой, что уже не проблематизируется», а реальные нормы корпоративной этики поддерживают мелкие злоупотребления служебным положением. В качестве оправдания таких злоупотреблений обычно используются ссылки на «тяжелые условия жизни современного милиционера и общий упадок общественных нравов».

Несмотря на то, что руководство Министерства внутренних дел РФ признает факт рост уровня коррупции в полиции, однако реального противодействия этому явлению в должной мере не осуществляет. Социологи указывают, что «охота на «оборотней в погонах», преследование сотрудников ГИБДД за поборы на дорогах, борьба с «укрывательством преступлений» и другие «громкие инициативы» не носят системного характера. Подобные кампании не подразумевают серьезного анализа и работы по устранению причин совершения нарушений» в милиции, а теперь – полиции. В результате «коррупция в милиции мутировала от отдельных случаев злоупотребления служебным положением в целях личной наживы в устойчивую и самовоспроизводящуюся систему работы», а «самообеспечение постепенно становится основной формой заработка российских милиционеров» [67, с. 121].

Характеристики российской системы ОВД, в общем, описываются социологами так: «это перегруженная работой, плохо оснащенная, заорганизованная структура, целиком зависящая от политической власти и не контролируемая обществом. Она сильно коррумпирована и принимает меры только тогда, когда что-то произошло, не проводя никакой профилактики в

области охраны правопорядка. Естественно, такая система не вызывает любви и доверия населения. Неэффективность работы является основной причиной кризиса доверия к данному государственному институту» [67, с. 120].

Приведем данные, полученные фондом ИНДЕМ при проведении масштабного социологического опроса в 2005 году, связанного с оценкой коррупционных ситуаций [45], в сравнении с данными, полученными учеными АГУ при опросе жителей республики Адыгея и Краснодарского края в 2015 году (через 10 лет). Первая серия вопросов была связана с оценкой респондентами степени вредности коррупционных ситуаций. В таблице 1 приводятся только основные варианты предложенных ситуаций в формулировке исследования 2015 года, по которым были даны наиболее частые ответы.

В этой таблице ситуации представлены по уровню их наибольшего вреда имиджу полиции. Как видно из результатов обоих исследований, одной из наиболее вредных коррупционных ситуаций представляется ситуация связанная с деятельности ГАИ (ГИБДД) («инспектор ГАИ за взятку отпускает нетрезвого водителя»). В исследовании 2009 года по уменьшению вредности эта ситуация занимает 4 позицию, а в исследовании 2005 года – первую из 15, предложенных для оценки. Необходимо отметить, что намного менее опасной считают граждане ситуацию, связанную с действиями представителей других подразделений МВД РФ, когда «сотрудники ОВД за деньги обеспечивают безопасность коммерческим структурам» (См. таб. 1).

Таблица 1. Оцените приведенные ниже ситуации с точки зрения их негативных последствий для общества (%)

№	Ситуации	2005	2015
1	Администрация города, села и т.п. угрожает жителям экономическими санкциями, если они «неправильно» проголосуют	89,5	88,4
2	Судья, в ходе спора между двумя фирмами, поддерживает ту, от которой им была получена взятка	88,4	89,3
3	Решение суда зависит от указания крупных чиновников	88,2	89,3
4	Инспектор ГАИ за взятку отпускает нетрезвого водителя	86,6	87,5
5	Голосование депутатов законодательных органов за «нужный» законопроект за взятку	83,9	84,8
6	Освобождение за взятку от наказания в 15 суток	74,7	75,1
7	Строительная фирма получает по цене, намного выше рыночной, от органов власти	64,2	62,1
8	Выдача врачом больничного листа за вознаграждение (материальное или денежное)	53,3	52,1
9	Ускоренная регистрация фирмы проводится чиновником за вознаграждение	50,1	51,0
10	Сотрудники ОВД за деньги обеспечивают безопасность коммерческим структурам	49,1	54,1
11	Репетитор обещает поступление в вуз, несмотря на низкий уровень подготовки абитуриента	45,3	47,4
12	Чтобы получить хорошую оценку, студент приносит экзаменатору «презент»	41,3	43,4
13	Чиновник решает проблемы бизнесмена взамен на ужин в ресторане и т.п.	40,4	42,4
14	Чиновник устраивает близких родственников на работу в свою организацию/ведомство	33,9	43,9
15	Чиновник устраивает своих близких родственников в организацию/ведомство, которую он контролирует	32,7	34,7

Такой же вопрос задавался в этих исследованиях Фонда ИНДЕМ

бизнесменам. В таблице 2 приведены данные их ответов на этот вопрос, который приводится в формулировке исследования 2015 года. Для наглядности, в таблице ситуации отсортированы по убыванию уровня их вреда в соответствии с ответами респондентов-бизнесменов в исследовании 2005 года. По данным исследования 2005 года упорядочение должно быть несколько иным, но в обоих исследованиях коррупционная ситуация, связанная, например, с ГАИ (ГИБДД), а именно – «инспектор ГАИ за взятку отпускает нетрезвого водителя» – считается бизнесменами одной из самых вредных. В исследовании 2015 года по уменьшению вредности эта ситуация занимает 2 позицию, а в исследовании 2005 года – первую из 15, предложенных для оценки. Следовательно, бизнесмены оценивают потенциально коррупционную ситуацию, связанную с ГАИ (ГИБДД), в среднем как более вредную для общества в сравнении с большинством граждан.

Необходимо отметить, что бизнесмены считают менее опасной ситуацию, тоже связанную с действиями сотрудников МВД РФ, когда «сотрудники ОВД за деньги обеспечивают безопасность коммерческим структурам». Для бизнесменов эта последняя ситуация, видимо, стала настолько привычной, что их оценки её уровня опасности существенно ниже тех, которые дали этой же ситуации граждане (См. таб. 2).

Таблица 2. Оценка бизнесменами приведенных ниже ситуаций с точки зрения негативных последствий для общества (%)

№	Описание ситуаций	2005	2015
1	Судья, в ходе спора между двумя фирмами, поддерживает ту, от которой им была получена взятка	89,7	88,4
2	Инспектор ГАИ за взятку отпускает нетрезвого водителя	89,7	89,3
3	Администрация города, села и т.п. угрожает жителям экономическими санкциями, если они «неправильно» проголосуют	86,9	89,3
4	Решение суда зависит от указания крупных чиновников	86,8	87,5

5	Голосование депутатов законодательных органов за «нужный» законопроект за взятку	83,8	84,8
6	Освобождение за взятку от наказания в 15 суток	70,1	75,1
7	Строительная фирма получает по цене, намного выше рыночной, от органов власти на рынке строительства	64,8	62,1
8	Ускоренная регистрация фирмы проводится чиновником за вознаграждение	37,5	52,1
9	Репетитор обещает поступление в вуз, несмотря на низкий уровень подготовки абитуриента ПОДГОТОВКИ	36,5	51,0
10	Выдача врачом больничного листа за вознаграждение	35,4	54,1
11	Сотрудники ОВД за деньги обеспечивают безопасность коммерческим структурам	35,1	47,4
12	Чтобы получить хорошую оценку, студент приносит экзаменатору «презент»	32,4	43,4
13	Чиновник решает проблемы бизнесмена взамен на ужин в ресторане и т.п.	28,1	42,4
14	Чиновник устраивает близких родственников на работу в свою организацию/ведомство	25,5	43,9
15	Чиновник устраивает своих близких родственников в организацию/ведомство, которую он контролирует	24,1	34,7

Коррупциогенная ситуация, связанная с ГАИ (ГИБДД) заняла среди аналогичных ситуаций лидирующие позиции по уровню вредности для общества. Это означает, что граждане и бизнесмены считают возможную коррупцию в такой ситуации одной из самых опасных для общества. Следовательно, большинство граждан и бизнесменов понимают, что даже при условии, что с помощью коррупции такую ситуацию с ГАИ (ГИБДД) будет легче решить конкретному гражданину, последствия такого решения могут быть опасными для общества.

Те же ситуации были предложены респондентам с точки зрения содержания в них элементов коррупции. В таблице 3 приводятся результаты в процентах выбора гражданами вариантов ответов о том, что данные ситуации однозначно являются случаями коррупции. В этой таблице ситуации отсортированы по убыванию уровней оценок их респондентами как

коррупционных по данным исследования 2015 года.

В обоих исследованиях коррупционная ситуация, связанная с ГАИ (ГИБДД), заняла 5 место из 15 по уровню уверенности респондентов-граждан в том, что этот случай является случаем коррупции. При этом в самой формулировке о том, что «инспектор ГАИ за взятку отпускает нетрезвого водителя», ясно указано, что инспектор ГАИ отпускает пьяного водителя за взятку. Но для примерно 24-26% респондентов этот случай не столь очевидно является случаем совершения коррупционного действия. Граждане этот случай примерно на 10% чаще оценивают, как опасный для общества, чем как имеющий признаки коррупции (См. таб. 3).

Таблица 3. Оценка ситуаций с точки зрения коррупционной составляющей (%)

№	Описание ситуаций	2005	2015
1	Судья, в ходе спора между двумя фирмами, поддерживает ту, от которой им была получена взятка	89,0	86,2
2	Голосование депутатов законодательных органов за «нужный» законопроект за взятку	85,5	84,3
3	Решение суда зависит от указания крупных чиновников	84,1	82,1
4	Администрация города, села и т.п. угрожает жителям экономическими санкциями, если они «неправильно» проголосуют	82,8	82,1
5	Инспектор ГАИ за взятку отпускает нетрезвого водителя	76,8	74,2
6	Освобождение за взятку от наказания в 15 суток	70,5	71,2
7	Строительная фирма получает по цене, намного выше рыночной, от органов власти	67,3	66,4
8	Ускоренная регистрация фирмы проводится чиновником за вознаграждение	56,7	49,2
9	Сотрудники ОВД за деньги обеспечивают безопасность коммерческим структурам	52,1	49,1
10	Выдача врачом больничного листа за вознаграждение (материальное или денежное)	50,8	44,5

11	Чиновник решает проблемы бизнесмена взамен на ужин в ресторане и т.п.	42,5	32,1
12	Репетитор обещает поступление в вуз, несмотря на низкий уровень подготовки абитуриента	40,6	31,2
13	Чтобы получить хорошую оценку, студент приносит экзаменатору «презент»	38,0	29,6
14	Чиновник устраивает близких родственников на работу в свою организацию/ведомство	29,8	27,5
15	Чиновник устраивает своих близких родственников в организацию/ведомство, которую он контролирует	28,5	27,5

Точно так же в этих исследованиях ставился вопрос и перед бизнесменами. В таблице 4 приводятся результаты в процентах выбора бизнесменами ответов о том, что 15 ситуаций точно являются случаями коррупции. В этой таблице ситуации отсортированы по убыванию уровней оценок их респондентами как коррупционных по данным исследования 2009 года.

В обоих исследованиях коррупционная ситуация, связанная с ГАИ (ГИБДД), заняла 5 место из 15 по уровню уверенности респондентов-бизнесменов в том, что этот случай является случаем коррупции. В этом оценки бизнесменов схожи с оценками граждан, но в сравнении с гражданами бизнесмены несколько реже усматриваются коррупцию в этом случае. По-видимому, для бизнесменов такой стиль взаимодействия водителей с инспекторами ГАИ (ГИБДД) ещё привычнее, чем для граждан. И хотя в самом описании случая, который необходимо было оценить респондентам ясно указано, что инспектор ГАИ отпускает пьяного водителя за взятку, примерно 27-29% респондентов-бизнесменов не готовы признать очевидность совершения коррупционных действий обеими сторонами взаимодействия в этом случае. У респондентов-бизнесменов получился ещё больший, чем у респондентов-граждан, разрыв между признанием такого случая опасным для общества и имеющим признаки коррупции: этот разрыв у бизнесменов составил 16-17% против примерно

10% у граждан (См. таб. 4).

Таблица 4. Оценка ситуаций с точки зрения коррупционной составляющей бизнесменами (%)

№	Описание ситуаций	2005	2015
1	Судья, в ходе спора между двумя фирмами, поддерживает ту, от которой им была получена взятка	88,8	78,4
2	Голосование депутатов законодательных органов за «нужный» законопроект за взятку	87,3	79,3
3	Решение суда зависит от указания крупных чиновников	81,0	79,3
4	Администрация города, села и т.п. угрожает жителям экономическими санкциями, если они «неправильно» проголосуют как нужно	74,3	67,5
5	Инспектор ГАИ за взятку отпускает нетрезвого водителя	72,4	64,8
6	Строительная фирма получает по цене, намного выше рыночной, от органов власти	65,7	55,1
7	Освобождение за взятку от наказания в 15 суток	70,1	62,1
8	Ускоренная регистрация фирмы проводится чиновником за вознаграждение	46,3	42,1
9	Сотрудники ОВД за деньги обеспечивают безопасность коммерческим структурам	40,7	31,0
10	Выдача врачом больничного листа за вознаграждение (материальное или денежное)	37,7	34,1
11	Репетитор обещает поступление в вуз, несмотря на низкий уровень подготовки абитуриента	41,8	37,4
12	Чиновник решает проблемы бизнесмена, взамен на ужин в ресторане и т.п.	29,5	23,4
13	Чтобы получить хорошую оценку, студент приносит экзаменатору «презент»	31,3	22,4
14	Чиновник устраивает близких родственников на работу в свою организацию/ведомство	20,5	23,9
15	Чиновник устраивает своих близких родственников в организацию/ведомство, которую он контролирует	17,2	14,7

Анализ соотношения оценок респондентами коррупционных

ситуаций как вредные и как ситуации коррупции показывает привычность взяток во взаимодействиях с инспекторами ГАИ (ГИБДД) примерно для четверти, как граждан, так и бизнесменов. Это способствует формированию социальной ситуации, в которой уже почти четверть граждан и бизнесменов не видит коррупции даже в том, что пьяный водитель будет продолжать управлять автомобилем, а инспектор ГАИ (ГИБДД) за разрешение ему делать это получит вознаграждение. По российскому законодательству такой случай формально юридически является случаем коррупции, но не все граждане, бизнесмены и инспектора ГИБДД способны чётко определять признаки коррупционных действий в таких ситуациях, даже понимая их вредность. А эта неспособность в свою очередь создаёт дополнительные трудности в доказательстве фактов коррупции во взаимодействиях граждан и бизнесменов с инспекторами ГИБДД, препятствует неотвратимости наказания за такую коррупцию в нашей стране.

Давая характеристику сотрудникам органов внутренних дел как обособленной социальной когорты, следует отметить, что основными характерными особенностями, во многом обуславливающими личностное поведение ее представителей, являются, во-первых, «силовой ресурс», интегрированный с широким спектром властных полномочий, предоставленных федеральным, региональным и муниципальным законодательством. Во-вторых, наличие традиционного социального статуса, гарантирующего представителю правопорядка определенный объем привилегий и преференций, обусловленных особенностями российского правосознания. Основой данных особенностей является современный статус полицейского, основанный на традициях советского период развития России. В данный период времени образ представителя органов внутренних дел, как известно, формировался в контексте патерналистской культурно-идеологической парадигмы и сочетал в себе признаки, с одной стороны,

избранности и элитарности, а с другой, незыблемости его нравственного облика и морально-этических принципов.

Данные признаки в современной России хотя и несколько деформировались под влиянием новых демократических механизмов, изменивших уровень правосознания большинства граждан, но, в той или иной степени, были сохранены. Сотрудник полиции сегодня продолжает восприниматься как главный субъект правоохранительной деятельности, имеющий большой объем полномочий и возможностей, в сравнении с основным гражданским населением. Значительное число российских граждан продолжает отдавать предпочтение подчинению требованиям полицейского, нежели оспариванию их.

Данные особенности во многом определяют подходы к проблематике отклоняющегося поведения в среде полицейских в современном российском социуме.

Экспертный опрос восьми экспертов из числа ученых-девиантологов и государственных чиновников позволил автору весь спектр девиаций разделить на две категории. Во-первых, поведение, которое можно признать коррупционным, то есть действия, связанные с исполнением властных полномочий, характеризующиеся противоправностью и корыстной мотивацией. Во-вторых, девиации общесоциального плана, которые обусловлены отсутствием эффективной морально нравственной подготовки внутри полицейских коллективов, общего культурного уровня, правовой некомпетентностью и специфическими особенностями системы внутренней корпоративности.

К первой группе автор считает возможным отнести следующие проявления:

- 1) «Крышевание» бизнеса с целью получения дополнительного материального вознаграждения. В данной ситуации сотрудник может быть, как напрямую связан с контрольными функциями в сфере бизнеса, так и

опосредованно, то есть наделен правами контроля подчиненных подразделений либо конкретной территории.

2) Принятие процессуальных решений, пролоббированных одной из сторон. В данном случае сотрудник полиции, проводя ту или иную процессуальную проверку и имея материальную или иную личную заинтересованность, производит сбор материала избирательно, то есть, давая оценку фактам, которые доказывают вину стороны, против которой проводится соответствующая деятельность. Следует особо акцентировать, что основной опасностью в данном случае является отсутствие объективности при производстве расследования или дознания, а не последствия, так как не всегда данная деятельность направлена на невиновное лицо.

3) Увод от ответственности виновных лиц. Данная форма имеет наиболее частые проявления, и присуща в основном экономическому блоку преступлений, так как в данном случае доказывание вины наиболее затруднено, а уровень латентных преступлений в данной области наиболее высок.

4) Подготовка сфабрикованных материалов с целью последующего шантажа и вымогательства. Данная форма является наиболее опасной с точки зрения общественной угрозы правам и свободам граждан, так как действия сотрудников заранее направлены на невиновного гражданина, создание для него реальной угрозы уголовной либо административной ответственности с целью получения материальных благ.

5) Привлечение к ответственности заранее невиновных лиц с целью формирования показателей служебной деятельности и продвижения по службе. Как правило, данная форма не влечет получения непосредственной материальной выгоды, а практикуется для формирования высоких показателей работы, гарантирующих либо повышение по службе, либо повышение профессионального статуса, дающего дополнительные преференции.

К девиациям общесоциального плана можно отнести следующие формы отклонений:

1) Отклонения, проявляющиеся в процессе исполнения служебных обязанностей (оскорбление, причинение телесных повреждений, халатное отношение к обращениям граждан и т.д.). Данная форма девиации сегодня наиболее распространена и наносит наибольший урон имиджу ОВД, так как в большинстве своем она становится предметом осуждения со стороны не только отдельных граждан, но и общества в целом, и довольно редко поддается сокрытию. Причиной данных отклонений становится, как правило, низкий общий культурный уровень, влияние социальной среды общения и отсутствие целенаправленной культурно-воспитательной работы в коллективах сотрудников.

2) Игнорирование требований законодательства (управление транспортными средствами в нетрезвом состоянии, без соответствующих документов и т.д.) Причиной настоящих проявлений служит, как правило, ложное осознание чувства корпоративности, создающее ощущение вседозволенности.

3) Ненадлежащее поведение в быту, связанное с ложным осознанием собственной безнаказанности в силу самой принадлежности к полицейской корпорации.

Таким образом, следует отдельно отметить, что коррупционное поведение содержит в себе значительный асоциальный потенциал, деструктивно влияющий на культурно-правовую регуляцию отношений в социуме. Данное явление не только подрывает имидж самих органов внутренних дел, но и в целом всего государственного устройства, которое, по своей сути, именно усилиями данного института должно противодействовать противоправным и аморальным проявлениям.

Данный анализ позволяет выделить основные признаки коррупционного поведения:

- противоправность;

- корыстная мотивация;
- использование предоставленных законом должностных полномочий;
- аморальность.

Можно говорить о многообразных появлениях коррупции в органах внутренних дел. Как видно из сказанного выше, она часто может выражаться как в превышении или использовании своего служебного положения сотрудниками с целью приобретения незаконных преимуществ, так и в создании условий со стороны начальства, предоставляющих такие преимущества.

Коррупция в органах внутренних дел на настоящем этапе имеет такие признаки, как массовость, устойчивость, представляет собой явление, социально обусловленное, динамичное, социально детерминированное и системное.

Особенности данного вида должностных преступлений связаны с:

- повышенным уровнем скрытости;
- высокой общественной опасностью;
- корыстным характером совершаемых действий;
- обладанием субъекта преступления знаниями в сфере уголовных и уголовно-процессуальных норм;
- владением сотрудниками специальными навыками, которые способствуют сокрытию действия коррупционного характера или затруднению дальнейшего расследования.

Коррупция в полиции может быть разделена и по ряду других оснований. Так, степень общественной опасности позволяет говорить, как об административной, так и о криминальной коррупции.

Должностное положение и объем должностных полномочий сотрудников, демонстрирующих коррупционное поведение, также являются основанием выделять коррупцию среди рядовых сотрудников или офицеров младшего звена и среди сотрудников, представляющих среднее, старшее и высшее звенья органов внутренних дел.

Возможность совершить коррупционные действия во многом зависит от функциональных обязанностей и должностных полномочий каждой из указанных категорий сотрудников ОВД.

Коррупционное поведение, демонстрируемое рядовыми сотрудниками полиции, является наиболее распространенным явлением и несет за собой очень большую общественную опасность. Противоправные действия этого характера направлены, как правило, на рядовых граждан, не склонных к нарушению законов. Поскольку в общественном мнении сотрудники полиции выступают не только как работники правоохранительных органов, но и как представители государственной власти, то факты вымогательства, поборы, другие формы коррумпированного поведения сотрудников негативным образом переносятся на государство в целом, а не только на полицию или другие органы правопорядка. Формируются устойчивые негативные стереотипы в отношении ОВД и, как следствие, складывается общественно неодобряемый социальный статус их сотрудников.

Говоря о коррупционном поведении руководящего состава органов внутренних дел разных уровней, следует отметить, что его общественная опасность также достаточно высока. Это обусловлено, во-первых, более высоким должностным положением; во-вторых, значительно большим объемом властных полномочий; в-третьих, возможностью приказывать своим подчиненным, возможно, даже не объясняя их; в-четвертых, наличием большого опыта работы в полиции, более глубоким знанием норм закона; в-пятых, возможностью реализовывать коррупционные механизмы довольно долгий временной период.

Периодичность коррупционных действий со стороны сотрудников ОВД позволяет характеризовать их коррупционное поведение либо как систематическое, либо как ситуативное. Систематическое коррупционное поведение является достаточно длительным, постоянным, в результате складываются устойчивые связи коррупционного характера между, с одной стороны, сотрудниками правоохранительных органов, а с другой стороны, с

физическими или юридическими лицами, которые, с необходимостью предполагают личные взаимоотношения обоих субъектов коррупционных действий.

Ситуативное коррупционное поведение сотрудники органов внутренних дел, как правило, демонстрируют от случая к случаю, в зависимости от ситуации. Целью такого поведения является личное обогащение. Обычно такие коррупционные действия не являются следствием длительных коррупционных связей и ограничиваются одним-двумя контактами с гражданами или юридическими организациями. К примеру, коррупционная услуга, за которую было получено денежное или иное вознаграждение, не влечет за собой системные действия в дальнейшем со стороны сотрудника ОВД.

Направленность коррупционных действий позволяет говорить и о горизонтальной и вертикальной коррупции в органах внутренних дел. Горизонтальная коррупция является результатом установления коррупционных связей или отношений между сотрудниками ОВД и гражданами или организациями, выражающихся в денежном вознаграждении (подкупе) за ту или иную коррупционную услугу. При вертикальной коррупции появляются сложные схемы коррупционного поведения, когда, например, незаконное вознаграждение, о котором было сказано выше, делится между сотрудниками, получающими такое вознаграждение, и начальством, не препятствующим незаконному поведению. Такой вид коррупции особенно опасен, наносит очень большой вред как авторитету и имиджу ОВД, так и существенным образом снижает возможность влияния на коррупционные факты в системе ОВД и их пресечения именно со стороны начальствующего состава.

Действие или бездействие со стороны сотрудников ОВД в ситуации, когда реализуются их коррупционные интересы, позволяет говорить и о таких видах коррупционного поведения, как активное и пассивное. Совершение конкретных действий для получения взятки от граждан или

юридических фирм является результатом неправомерной деятельности сотрудников ОВД и могут быть охарактеризованы как активное коррупционное поведение. Под пассивным коррупционным поведением понимается противоправное бездействие сотрудника органов внутренних дел, которое, как следствие, ведет к получению взятки и к невыполнению своих профессиональных обязанностей и служебного долга. Закрывая глаза на определенные правонарушения, сотрудники полиции, таким образом, становятся субъектом коррупционных связей и отношений.

2.2. Современные риски трансформации социокультурного статуса сотрудника ОВД

В ходе анкетного опроса, проведенного в Майкопе и Краснодаре в 2015 году, было опрошено 800 человек, среди которых 374 сотрудника различных подразделений органов внутренних дел.

Им было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся деятельности ОВД и социокультурного статуса сотрудников полиции.

На вопрос «Как бы Вы оценили работу органов внутренних дел сегодня?» 37,8 % и 30,6 % респондентов дали ответ «положительно»; «скорее положительно» – 36,6% и 26,9 % соответственно; «скорее отрицательно» - 19,5% и 31,3% соответственно; избрали вариант «отрицательно» - 4,9% и 9,1% соответственно; 1,2 % и 2,1 % соответственно – затруднились с ответом. Также было выяснено мнение респондентов об отношении к ОВД в период реформирования (переименование милиции в полицию и т.д.) Средний коэффициент приведен по семибальной шкале (См. таб.5).

Таблица 5. Как бы Вы оценили работу органов внутренних дел ?

№	Вариант ответа.	Сотрудники подразделений ОВД		Остальные респонденты					
		%	К	% / К		% / К			
1	Положительно	37,8	3,37	30,6 / 3,11					
2	Скорее положительно	36,6	3,21	26,9 / 2,87					
3	Скорее отрицательно	19,5	2,57	31,3 / 3,25					
4	Отрицательно	4,9	1,41	9,1 / 1,62					
5	Затрудняюсь ответить	1,2	1,12	2,1 / 1,21					
		До реформирования ОВД		После реформирования ОВД		До реформирования ОВД		После реформирования ОВД	
		%	К	%	К	%	К	%	К
1	Положительно	39,4	3,44	38,7	3,39	32,6	3,18	31,5	3,25
2	Скорее положительно	37,8	3,37	37,8	3,37	28,9	2,92	27,9	2,96
3	Скорее отрицательно	17,7	2,42	18,6	2,61	29,2	2,98	30,2	3,09
4	Отрицательно	3,8	1,23	3,7	1,31	8,2	1,52	8,2	1,52
5	Затрудняюсь ответить	1,3	1,18	1,2	1,12	1,1	1,11	2,2	1,30

*К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале.

Как мы видим, в настоящее время, степень положительной оценки деятельности ОВД со стороны респондентов значительно снизилась – 77,2% и 61,5% соответственно до реформирования ОВД и 76,5% и 59,4% соответственно после реформирования ОВД. Приведенные данные свидетельствуют о том, что начатое в 2010 году реформирование не только не изменило в лучшую сторону отношение к органам, как со стороны самих сотрудников, так и населения, но и несколько ухудшило данное отношение.

Данные нашего опроса в целом коррелируют с результатами опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по вопросу доверия россиян полиции, оценке ее работы и правонарушений со стороны полицейских (2014г.)

(<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115045>), а также Левада-центром «Россияне о полиции» (2012 г.) (<http://www.levada.ru/04-05-2012/rossiyane-o-politsii>).

Так, по данным ВЦИОМ, полностью доверяют сотрудникам полиции и доверяют в определенной мере 13% и 43% соответственно, то есть 56% граждан России. При этом не вполне верят сотрудникам органов внутренних дел 27% и вовсе не доверяют – 14% респондентов, то есть 41% опрошенных. Эта цифра заставляет задуматься, поскольку говорит о том, что российским полицейским следует большое внимание уделить формированию положительного имиджа российского полицейского, обладающего высоким уровнем правосознания и профессиональной идентичности, физически и морально подготовленного к решению конфликтов как на уровне социальных групп, так и на уровне общества в целом. Кстати, эти данные не совсем совпадают с данными Левада-центра: так, «определенно доверяют» полиции и «скорее доверяют» - всего 31 % (5% и 26% соответственно), при этом 48% респондентов выбрали вариант «скорее отношусь с опасением» и 15% отметили «определенно отношусь с опасением». Таким образом, 63% опрошенных, по опросу Левада-центра, негативно настроены по отношению к сотрудникам органов внутренних дел.

Такая высокая степень негативных оценок, на наш взгляд, объясняется тем, что социальный статус сотрудника органов внутренних дел России далек от того, когда полицейский воспринимается как лицо, безоговорочно стоящее на страже интересов каждого гражданина, а не отдельных групп населения, обеспечивающее необходимый уровень личной и общественной безопасности и обладающее высоким моральным обликом и т.п.

Например, по данным ВЦИОМ, в том, что сотрудники полиции стоят на защите интересов отдельных групп населения, уверены 34% опрошенных (19% считают, что полицейские работают только в личных интересах, 15% предполагают, что сотрудники полиции защищают интересы лишь правящих партий и т.п.).

Деятельность полиции вызывает в обществе больше всего нареканий. Понятно, что власть хочет навести в этой сфере порядок, по крайней мере, избавиться от злого хулиганства, уличной преступности. Индикатором того, что в реальности практически ничего не меняется, является тот факт, что состояние и показатели преступности могут быть оценены лишь по полицейским сводкам и отчетам руководителей подразделений полиции.

Респондентам также был задан вопрос о деятельности ГИБДД Республики Адыгея и Краснодарского края. Это связано с тем, что среди подразделений полиции, с которыми чаще всего приходилось сталкиваться респондентам, чаще всего отмечалось именно это подразделение. «Положительно» и «скорее положительно» оценили это подразделение 43,9%; «отрицательно» и «скорее отрицательно» выбрали 25% респондентов. При этом затруднились ответить 31,1% (См. приложение таб. 1).

По опросу ВЦИОМ, сотрудникам ГИБДД полностью доверяют и скорее доверяют 5% и 34% соответственно, скорее не доверяют 38% и совсем не доверяют 15% респондентов. Эти данные свидетельствуют о том, что этому структурному подразделению полиции предстоит еще много сделать с точки зрения организации и содержания своей деятельности, для того, чтобы поднять свой авторитет в обществе.

Следует обратить внимание на проблему, связанную с превышением полномочий сотрудниками полиции в отношении граждан. Респондентам был задан вопрос «Сталкивались ли вы в повседневной жизни с произволом сотрудников полиции в отношении вас или ваших близких?». Положительно ответили 15% от общего числа респондентов, «скорее да» - такой вариант выбрали 18%, дали отрицательный ответ 44% («нет» и «скорее, нет»), при этом затруднились ответить 23% опрошенных (См. приложение таб. 2).

Интересно, что по данным опроса Левада-центра на вопрос, связанный с произволом и беззаконием правоохранительных органов, «очень серьезной проблемой» и «довольно серьезной проблемой» это назвали 36% и 47% соответственно, тогда как лишь 9% охарактеризовали эти позиции как «не

очень серьезная проблема» и только 2% респондентов посчитали, что этой проблемы нет.

Что касается данных ВЦИОМа, то респонденты среди действий сотрудников полиции отмечали следующие факты, встречавшиеся в практической работе: «грубость и бестактность» - 11% опрошенных, «использование служебного положения в личных целях» - 7%, «вымогательство, поборы, взяточничество» - 6%, «отказ принять заявление» - 6%, «проявление жестокости» - 6%, «попытка исказить факты, фальсифицировать материалы» - 5%.

При этом подавляющее большинство респондентов – 69% (!) отметили, что не сталкивались с такими фактами в своей жизни.

Так как данное мнение у населения России выяснял ВЦИОМ, проводя мониторинги в течение ряда лет, то можно увидеть положительную динамику в отношении населения к полиции.

В анкете содержался и открытый вопрос, касающийся социокультурного статуса сотрудника полиции. Анализ результатов показал, что главными в облике полицейского респонденты считают следующие качества: честность (77%), вежливость (86%), компетентность (43%), подтянутость и опрятность (44%) и мобильность (37%), высшее образование (67%) (См. приложение таб. 3).

Эти данные коррелируют с результатами опроса ВЦИОМ. Так, оценивая по 5-бальной шкале качества типичного российского полицейского, респонденты на первое место поставили опрятность (3,69%), затем были отмечены такие качества, как «сильный, крепкий» (3,36%), компетентность (3,25%), вежливость, воспитанность (3,21%), храбрость (3,2), подтянутость, спортивность (3,13), дружелюбность (3,11%), открытость (3,08%), готовность помочь (3,07%), порядочность (3,05%), справедливость (3,0), неподкупность, честность (2,73%). Интересно, что в опросе ВЦИОМ честность и неподкупность полицейского оценена наименьшим количеством респондентов, тогда как в авторском исследовании честность и вежливость –

это качества, набравшие наибольшее количество голосов. Это связано с тем, что нами вопрос был поставлен так, что оценивался желаемый образ полицейского, а в опросе авторитетного социологического центра предлагалось определить тип современного российского полицейского.

Отметим также, что уровень восприятия статуса сотрудника полиции остается достаточно низким на протяжении значительного времени. Так, еще в 2005 г. оказывать содействие полиции (тогда милиции) в борьбе с преступностью соглашались 70% от общего числа респондентов, опрошенных в Республике Адыгея, 25% отказывались помогать органам правопорядка. В 2015 г. уже 74,5% граждан были согласны и скорее согласны, чем нет, и лишь 9% категорически ответили отрицательно [54].

Положительно оценили работу полиции лишь 44% опрошенных, 39% и 4% оценили ее отрицательно и крайне отрицательно соответственно. Остальные затруднились с оценкой функциональной деятельности полиции.

Более половины опрошенных (54% респондентов) отметили, что доверяют полицейским, отказали в доверии 39%, 7% не смогли определиться с ответом. Однако следует отметить тот факт, что подавляющее большинство – 78% респондентов высказало готовность в случае серьезных бытовых конфликтов в первую очередь обратиться за помощью в полицию.

При этом, оценивая деятельность полиции в целом, треть респондентов отметила формальный подход сотрудников, 17% указали, что это бесполезная трата сил и времени, 7,9% имели негативный опыт обращения в полицию.

Лишь 18% респондентов ответили, что рассчитывают при обращении в полицию получить решение проблемы и защиту; 19,1% выбрали отрицательный ответ. Однако 49% выбрали вариант ответа «все зависит от конкретного вопроса и ситуации».

Из числа опрошенных когда-либо обращались в полицию 43% респондентов, при этом 31% из них столкнулся с превышением полномочий,

грубостью, равнодушием или вымогательством со стороны сотрудников полиции.

По результатам опроса была выявлена достаточно невысокая информированность граждан о деятельности органов внутренних дел, на что необходимо обратить внимание подразделениям МВД, отвечающим за уровень информационной политики и связи с общественностью. Высокая информированность о работе полицейских играет большую роль в формировании общественно одобряемого статуса сотрудника ОВД. Необходимо регулярно информировать граждан о статистике преступности, системе мер по противодействию преступности, героических поступках полицейских и т.п.

76% респондентов получают такую информацию из средств массовой информации, 24% - из ресурсов интернета, 28% - через просмотр фильмов и сериалов о полиции. При этом 43% опрошенных хотели бы быть в курсе антикоррупционных мер в отношении полицейских, вымогающих взятки (См. приложение таб. 4).

На вопросы относительно морального облика полицейских 41% опрошенных отметили «грубое и хамское поведение», 24% указали на «жестокость и произвол». В целом низкий уровень общей культуры поведения и общения сотрудников полиции, их неэтичное отношение к гражданам отметили 34,4%. Также 21% респондентов указал на использование полицейскими своего служебного положения в личных целях, а 19% посчитали, что они сознательно затягивают решение проблем граждан.

Оценивая причины недостаточно эффективной работы органов внутренних дел, респонденты указали на ряд объективных факторов: низкий уровень оснащённости полиции (19%), высокая психологическая нагрузка (57%), неэтичное и оскорбительное поведение в отношении сотрудников полиции со стороны самих граждан (34%), готовность самих граждан предложить взятку полицейскому (39%) и др. (См. приложение таб. 5).

Можно также привести позицию двух экспертов из числа начальников подразделений, которые в ходе интервью отмечали, что необходимо менять технологию управления МВД. Качественный уровень органов внутренних дел, по мнению экспертов, будет меняться тогда, когда к работе будет привлекаться молодежь, когда станет меньше командного состава и больше профессионального управления.

Также эксперты обратили внимание на профессиональную идентичность полицейских, которая, казалось бы, сформирована, поскольку полиция представляет собой профессиональную группу, однако уровень профессиональной идентичности полицейских еще достаточно низкий. Укрепление профессиональной идентичности сотрудников российской полиции необходимо как для повышения авторитета полиции в обществе, так и для укрепления ее изнутри, что, как следствие, повлечет за собой и снижение конфликтологических рисков в подразделениях полиции.

Большинство респондентов отмечает пониженный уровень профессионализма работников полиции, отсутствие у значительной части умения ориентироваться в сложных ситуациях, оперативно реагировать на риски и угрозы, затрагивающие базовые социальные ценности, такие как стабильность, личная безопасность, неприкосновенность частной собственности, правопорядок, соблюдение законодательства и т.д. В обществе имеется и такое предположение: в органах внутренних дел преобладают корпоративные интересы, не всегда совпадающие с интересами самого социума.

Таким образом, обобщив данные опроса, можно выявить положительные имиджевые характеристики, формирующие позитивный социокультурный статус сотрудников органов внутренних дел. Современный российский полицейский – это представитель власти, имеющий достаточные полномочия для обеспечения безопасности и порядка; представитель силовой структуры; стоит на страже закона; человек, который должен иметь высокие морально-волевые качества, быть справедливым и честным, поскольку

является представителем сложной и ответственной профессии; человек, вызывающий уважение и гордость, обладающий смелостью и готовностью пожертвовать своим здоровьем и даже жизнью и др.

При этом следует обратить внимание и на имиджевые характеристики, отрицательно сказывающиеся на формировании общественно одобряемого социокультурного статуса полицейских. Сотрудники полиции - это, прежде всего, работники с низкой профессиональной подготовкой; представители карательного органа; люди, руководствующиеся в своей деятельности только приказами начальства; коррупционеры, «взяточники»; необразованные в сфере правоведения; люди с низким уровнем общей культуры поведения и общения и т.п.

Как отмечалось выше, среди респондентов 374 человека являлись сотрудниками полиции. Им были заданы вопросы касательно проявлений в их профессиональной среде коррупционного поведения и их личного отношения к неформальной экономической деятельности.

Первый вопрос касался причин, побудивших выбрать для профессиональной деятельности полицию (См. таб. 6).

Таблица 6. Назовите причины, побудившие выбрать сферой профессиональной деятельности полицию.

№	Причина	%
1	Гарантия трудовой деятельности	19,8
2	Это интересная работа	28
3	Социальные и иные льготы	16,2
4	Возможность бороться с преступностью	18,3
5	«Романтический» ореол службы в полиции	5,5
6	Материальный достаток	9,2
7	Совершенствование физической формы	6,8

8	Возможность решить жилищную проблему	11,3
9	Профессиональный опыт и навыки, которые пригодятся после ухода на пенсию	4,6
10	Семейные традиции	3,5
11	Порядок и дисциплина	2,1
12	Властные полномочия	1,9
13	Перспективы карьерного роста	12,1
14	Затрудняюсь ответить	2,4

В результате организованного исследования обнаружилось, что большая часть опрошенных – 44,5% – проходят службу в полиции по призванию. Кроме того, 34,6% избрали данную профессию вследствие ее престижа и высокой оплаты.. Еще 28,2% респондентов дали иные варианты ответов на вопрос о мотивах, побудивших пойти на работу в полицию. Таким образом, около половины сотрудников ОВД, отмечая наиболее высокую мотивацию к труду, работает в полиции по призванию. В то же время такая же группа мотивирована свой выбор иным образом, причем у части опрошенных мотивация носит не идейный, а материальный или иной характер. Могут иметь место и причины потенциального коррупционного поведения.

На вопрос об удовлетворенности работой в полиции респонденты оказались значительно дифференцированными по степени удовлетворенности службой. Так, полное удовлетворение своей работой выразили 26,8%. В то же время частичное удовлетворение отметили 53,7% от общего числа опрошенных.

Таким образом, несмотря на количественное превалирование в той или иной мере удовлетворенных своей работой в ОВД, довольно высока, и доля тех, кто в той или иной мере не удовлетворен. В данную группу входит

каждый пятый работник ОВД. Сложившееся соотношение создает определенные предпосылки для дестабилизации социально-психологической обстановки в коллективе ОВД (См. приложение таб. 6).

Был задан вопрос и об условиях несения службы в подразделениях ОВД. Мнения респондентов достаточным образом разделились. Большая часть опрошенных оценивает их как удовлетворительные – 44,9%. Благоприятными условия несения службы видятся 35,2% участников исследования.

В то же время 19,3% респондентов оценивают эти условия в своем подразделении как достаточно сложные. В целом исследование показало, что условия несения службы как неотъемлемый атрибут работы в ОВД выглядят достаточно тяжелыми, способны ухудшать как мироощущение отдельной личности, так и социально-психологический климат в коллективе (продуцируются стрессы, накапливается негативная социально-психологическая энергия, что на фоне усталости может оказывать отрицательное влияние на сотрудников).

Вопрос о наличии в подразделениях органов внутренних дел проблем, проявлений девиантного поведения или профессиональных деформаций дал следующие результаты. Большинство опрошенных – 55,6% - отметило отсутствие в их подразделениях каких-либо серьезных проблем, проявлений девиантного поведения или профессиональных деформаций. Среди негативных проявлений, имеющих место в коллективах ОВД, чаще всего упоминались: грубость, хамство (19,8%). Менее распространены алкоголизм, жестокость, демонстрация агрессии (по 7,1%). Стоит предположить, что имеющие место негативные проявления в коллективе ОВД непосредственно связаны со сложными условиями несения службы, периодически возникающими стрессовыми ситуациями. В этой связи выявленные отклонения в поведении выполняют некую компенсаторную функцию, позволяя разряжаться негативной энергии.

В процессе опроса о влиянии условий работы на психологическую атмосферу в коллективе, выделились такие группы: 26,2% выбрали вариант «существенным образом», 27,5% - «почти не влияют», 28,1% затруднились ответить. При этом 17,1% опрошенных абсолютно убеждены в том, что на психологическую атмосферу в их коллективе условия работы вообще не оказывают никакого влияния. Таким образом, очевидно, условия несения службы в полиции достаточно индивидуально воздействуют на сотрудников в силу особенностей их психологической организации и т.п.

Ряд вопросов касался конфликтов в профессиональной среде полицейских. 37,4% респондентов высказались в пользу обычных, профессиональных взаимоотношений; 26,8% указали на нестабильность и изменчивость микроклимата коллектива. Варианты «постоянная конфликтная обстановка» и «напряженная обстановка» были выбраны 8,9% и 8,1% респондентов соответственно. Взаимоотношения в коллективе с позиций хороших и дружеских оценили лишь 17,9%; остальные затруднились ответить.

Основными причинами возникновения конфликтных ситуаций в подразделении опрошенные сотрудники назвали распространение сплетен, попытки «подставить» (19,1%). Также наиболее часто встречающейся причиной конфликтов были названы: мелочи в повседневной работе, усмешки, грубость, плохие условия службы (по 8,9%). Затруднились с ответом 26,9% респондентов-полицейских.

Интересные результаты были получены при попытке узнать у респондентов, какие факторы оказывают позитивное и негативное воздействие на микроклимат в коллективе, формируют здоровую психологическую обстановку в подразделениях. Около половины опрошенных (45,6%) затруднились указать на положительные факторы, а больше половины (55,4%) затруднились с ответом о негативных факторах воздействия на психологическую атмосферу в коллективе. Такой высокий процент в обоих случаях говорит либо о нежелании отвечать на

поставленный вопрос, либо об отсутствии знаний в этой области. Как позитивные факторы были выбраны такие варианты, как отмечания праздников или важных событий в коллективе (18,2%), умение услышать и понять коллегу (18%), совместный отдых с семьями (9,1%), наличие в подразделении хороших людей (9,1%).

В качестве негативных факторов чаще всего выбирался вариант сплетен и наговоров на коллег (19,1%). Такие варианты, как «очень большая нагрузка» (8,9%), «сложные условия работы» (8,8%), «ненормированный рабочий день» (9,2%), «строгость начальства» (9,2%), также были выбраны респондентами в качестве факторов, негативно влияющих на психологический климат в коллективе, создающих напряженную и конфликтную обстановку.

Попытка оценить модели поведения в подразделениях полиции выразилась в формулировке вопросов, касающихся рефлексии респондентов – сотрудников полиции относительно своих действий во время несения службы. Подавляющее большинство респондентов (54,7% и 37%) продемонстрировали больше рационально-логическую, чем эмоционально-чувственную модель поведения, выбрав варианты «всегда обдумываю и анализирую своих действия» и «в большинстве случаев обдумываю и анализирую свои действия» соответственно. При этом около 9% опрошенных затруднилось с ответом на этот вопрос.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что участники опроса существенно разделились в оценке роли руководителей подразделений в поддержке психологической атмосферы. Как одну из главных данную роль оценивают – 36,3% респондентов. 27,3% склоняются к тому, чтобы воспринимать положительно значение руководства в данном процессе. Аналогичная часть опрошенных рассматривает настоящую роль как «никакую». И лишь 9,1% дают однозначно позитивную оценку роли руководителей, считают ее главной.

Как демонстрируют результаты данного исследования, значительная часть респондентов предпочла уклониться от конкретного ответа на вопросы (45,4%). По всей видимости, они не задумывались над этой проблемой, либо не имеют желания информировать исследователя о своих размышлениях. Из числа ответов на поставленный вопрос «лидирует» вариант «сплоченность» (36,4%). 9,1% из числа участников опроса предложили вариант «ликвидация системы оценки» и «планерок».

Полученные данные свидетельствуют о том, что основным поводом для встреч и общения с сотрудниками в нерабочей обстановке являются праздники (27,3%). Часто таким поводом выступают удачные результаты работы, учебы, встречи по поводу дня рождения (по 18,2%). Для 9,1% участников опроса таким поводом могут быть спортивные соревнования. Также 9,1% опрошенных респондентов отметили, что их общение с коллегами происходит только во время работы.

Так же исследование показало, что большинство членов коллективов ОВД общаются друг с другом не только на работе, но и во вне рабочее время. Это, в определенной степени, характеризует внутреннюю психологическую атмосферу в подразделениях в целом как благоприятную.

Проведенное исследование показало: большинство респондентов – 54,5% – отметили, что в их подразделениях нет неформального лидера. 18,2% указали, что такой лидер существует. Достаточно большая доля участников опроса – 27,3% – затруднилась ответить на данный вопрос. Так же было выявлено, что в подразделениях имеет место доминирование формального лидера, вследствие чего и были получены данные ответы. Существенная часть предпочла уклониться от содержательного ответа.

В процессе исследования также выяснилось, что – 45,5% – убеждены в том, что работа психологических служб при отборе кандидатов в полицию не эффективна. Иной точки зрения придерживаются 27,3% респондентов («высокая эффективность»). Еще 18,2% не смогли дать содержательный

ответ. По-видимому, деятельность психологических служб нуждается в значительном улучшении.

Большинство респондентов продемонстрировали убеждение в том, что хобби и увлечения способствуют снятию напряжения и стрессов (54,5%). Более осторожной точки зрения придерживаются 27,3% участников исследования («помогают в определенной степени»).

То есть, для подавляющего большинства респондентов хобби и увлечения выступают инструментом преодоления стрессовых ситуаций, чаще всего это осуществляется посредством активного отдыха на природе.

В результате проведенного исследования так же были получены сведения о том, что его участники в большинстве своем не имеют намерений выделяться на фоне окружающих (54,5% – «не согласен», 9,1% – «скорее не согласен»). Противоположное мнение продемонстрировали 36,4% респондентов.

По данным исследования видно, что большинство респондентов – 54,5% – стремятся к жизненному успеху всеми возможными способами. Еще 27,3% реализуют аналогичные жизненные цели в более завуалированной форме. Не имеют желания добиваться жизненного успеха всеми доступными средствами в общей сложности 18,2% участников исследования (по 9,1% ответов «скорее не согласен» и «не согласен»).

Большинство респондентов разделились при ответе на вопрос о том, насколько важным для них являются мнения окружающих их сограждан. Для большинства опрошенных участников исследования – 54,6% – важно, что думают о них окружающие (по 27,3% ответов «согласен» и «скорее согласен» с данным утверждением).

В то же время, 36,4% из числа респондентов в той или иной степени не согласны с данным утверждением (по 18,2% ответов «скорее не согласен» и «не согласен»).

Результаты опроса также показывают, что демонстрация богатства и дорогих материальных приобретений со стороны коллег у подавляющего

большинства респондентов вызывает нейтральное отношение (71,6%). Положительную оценку, поддержку такой демонстрации высказали 9,2% опрошенных, отрицательное отношение продемонстрировали 9,5% респондентов-полицейских.

Можно сделать вывод о том, что сами сотрудники ОВД не видят, а порой и не хотят видеть, каким образом решить существующие проблемы в своих коллективах.

Задача профессионального подбора кандидатов в специальные образовательные учреждения системы МВД, бесспорно, связана с другой проблемой функционирования современного российского общества. Данной проблемой является обозначившаяся тенденция криминализации среды молодежи и расширения в ней девиантных и делинквентных проявлений.

Было предложено оценить признаки коррупционного поведения, чтобы сравнить оценку респондентов-полицейских с оценками экспертов. Примечательно, что мнения практически совпали. Так, такой признак, как «противоправность» отметили 57% респондентов; «корыстную мотивацию» – 74%; «использование предоставленных законом должностных полномочий» - 76%; «низкие морально-нравственные качества сотрудников» - 59%.

Высокую терпимость к неформальной (дополнительной) экономической деятельности своих коллег высказали 38% опрошенных сотрудников полиции; безразличное отношение продемонстрировали 21% респондентов и лишь 10% и 2% соответственно отметили неодобрительное и крайне отрицательное отношение к такой деятельности. Стоит также отметить тот факт, что уровень материальной обеспеченности сотрудников не влияет на позитивное отношение к «подработкам».

Можно отметить, что в органах внутренних дел работают люди с разным пониманием и отношением к профессиональным обязанностям и профессиональной культуре, а, следовательно, к неформальной экономической деятельности.

Позитивно настроенные на такой вид деятельности сотрудники, как правило, работают в подразделениях, где успешно функционирует отлаженная схема распределения заданий и доходов (например, ГИБДД). Ряд сотрудников при участии в неформальной экономической деятельности руководствуются индивидуальными мотивами. Третью группу представляют сотрудники, негативно и крайне отрицательно относящиеся к такому виду деятельности [45].

Оценивая соотношение групп респондентов (отрицательное, нейтральное и положительное отношение) по вопросу о подработках во внеурочное время или участии в экономической деятельности, носящей неформальный характер, следует отметить преобладание последнего, при этом отрицательное отношение демонстрирует наиболее малочисленная группа. И это при том, что в такие виды деятельности включен каждый третий из опрошенных респондентов: с использованием служебного положения зарабатывают 26%, занимаются подработками во внеурочное время 34%.

Однако возможности такой деятельности, по мнению респондентов, ограничены и опосредованы таким неформальным понятием, как «кодекс чести», который включает в себя как общечеловеческую мораль, так и профессиональную этику. Глубинное интервью с рядом сотрудником органов внутренних дел (58 человек) позволяет получить этому подтверждение.

Вот ряд суждений сотрудников ОВД:

- Полицейские вряд ли будут за деньги помогать людям, совершившим тяжкие преступления (убийство, изнасилование и т.п.), в крайнем случае можно порекомендовать «правильного» адвоката.

- Сотрудники полиции в подавляющем большинстве понимают, «что такое хорошо и что такое плохо». Отношение к «оборотням в погонах» отрицательное, в крайнем случае, нейтральное.

- Использование служебного положения для получения небольших презентов (например, продукты) возможно. Однако вхождение в преступную

группу и использование служебного положения против отдельных слоев населения недопустимо и требует жесткого пресечения.

- Неформальная экономическая активность сотрудников полиции возможна только в том случае, когда речь идет о «легких» правонарушениях.

Можно сделать вывод о том, что неформальная экономическая деятельность, подработки и т.п. получают такую относительно высокую степень одобрения и почти отсутствие негативных оценок в связи с тем, что в среде полицейских существует такое явление, как круговая порука. Такое утверждение стало возможным при оценке ответов респондентов по вопросу отношений в коллективе. Подавляющее большинство опрошенных отметили, что отношения «нейтральные» или «дружеские» (86%).

Это подтверждают и данные глубинного интервью, в котором сотрудникам полиции было предложено описать атмосферу в коллективе. Вот лишь некоторые мнения:

- В подразделении всегда найдутся коллеги, которые тебя поддержат и защитят.

- Служба в полиции предполагает наличие корпоративной культуры. Поможешь ты, помогут тебе. Такой принцип.

- Много зависит от руководителя подразделения. Хороший руководитель будет заботиться о своих сотрудниках.

Очевидно, что в подразделениях полиции нормы отношений в коллективе обязательно включают круговую поруку. Это своеобразное табу на доклад о том, что твой коллега совершил противоправное действие. Соответственно за круговой порукой могут быть скрыты и такие факты, как превышение служебных полномочий, коррупционное поведение и др., что в значительной степени осложняет противодействие таким проявлениям в профессиональной деятельности органов внутренних дел.

Большая роль в неформальных нормативных установках в подразделениях принадлежит руководителям. Функции руководителя, в

первую очередь, включают контроль за деятельностью сотрудников, в том числе и пресечение нарушений в сфере взаимодействия с населением, выполнения служебных обязанностей и дополнительных заработков с использованием служебного положения. Однако эти функции не всегда должным образом проявляются. По данным глубинного интервью, подтверждающимся анализом экспертных оценок, можно выделить следующие практики деятельности руководителей подразделений ОВД:

1. Включенность руководителя подразделения в такие явления, как круговая порука и несанкционированная экономическая деятельность. Следование подобным нормам приводит к тому, что в подразделении формируется атмосфера, потенциально поддерживающая коррупционное поведение.

2. Руководитель поддерживает факты круговой поруки, сам при этом не являясь участником ни несанкционированной экономической деятельности, ни коррупционных механизмов. Он как бы «закрывает глаза» на встречающиеся факты таких действий среди своих сотрудников, однако обозначает некие границы дозволенного и недозволенного. Такая позиция руководителя формирует относительно нейтральное отношение к коррупционному поведению в среде полицейских.

3. Руководитель подразделения неодобрительно относится к подобным проявлениям в своем коллективе, вплоть до жесткого неприятия их (выговоры, увольнение и т.п.). Такое поведение руководителя способствует складыванию в подразделении негативного отношения к коррупционному поведению сотрудников.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать выводы о том, что российская полиция на современном этапе своего развития не всегда следует нормам официальной служебной культуры, в каждом подразделении могут устанавливаться и устанавливаются свои ориентиры деятельности, которые зачастую приводят к коммерциализации структуры в целом.

Круговая (или корпоративная) порука, товарищеская атмосфера и установка на взаимовыручку приводят к тому, что сотрудники полиции прямо или косвенно становятся задействованными в несанкционированной экономической деятельности и коррупции (либо участвуют сами, либо закрывают глаза).

Первая контролирующая инстанция – руководители подразделений – не всегда выполняют свои должностные функции, в основном демонстрируя две модели поведения: либо сами участвуют в несанкционированной (неформальной) экономической деятельности, способствуя или участвуя в ней, либо просто закрывают глаза на подобное поведение своих сотрудников.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что подобная деятельность институализировалась и укоренилась в социальных нормах ОВД. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что это не индивидуальное девиантное поведение отдельных сотрудников, а коллективная девиация, нацеленная на повышение экономического благосостояния с использованием служебного положения.

Естественным образом такие проявления в полиции не могут способствовать поддержанию положительного имиджа российского полицейского, негативным образом сказываются на его социокультурном статусе, в значительной мере снижают уровень его общественного одобрения и содержат отрицательный потенциал и значительные риски его трансформации.

2.3. Современные технологии формирования статуса ОВД: институциональные инновации

Долгие годы в России существовала система профессионального формирования личности сотрудника органов внутренних дел, однако за последнее время мы наблюдаем ее распад и негативные трансформации. Это, в свою очередь, повлекло за собой снижение контроля над деятельностью

полиции, функционированием различных подразделений ОВД. Также, как следствие, существенно снизилась воспитательная и оперативно-профилактическая деятельность в отношении кадрового состава.

Каждый руководитель должен уделять внимание формированию у сотрудников органов внутренних дел должного уровня правовой культуры, профессиональных способностей и навыков, используя все доступные методы морально-психологической и воспитательной работы.

Значимость морально-психологической работы достаточно высока. Она выстраивается на принципах целеустремленности, непрерывности, объективности, активности, оперативности, дифференцированного подхода и комплексного применения всех организационных ресурсов. Такая работа направлена на отдельных сотрудников, группы сотрудников, коллектив в целом.

Направленность усилий руководства при проведении морально-психологической работы связана с комплексом характеристик личности сотрудников, психологическим микроклиматом в служебном коллективе и реализуется посредством достижения ряда целей:

1) формирование и развитие установок патриотизма, гражданского мировоззрения, высоких профессиональных качеств и духовно-нравственных ценностей у сотрудников ОВД, продиктованных как спецификой профессиональной деятельности полиции, так и ожиданиями общества и государства ;

2) высокая морально-психологическая готовность коллективов ОВД выполнять поставленные задачи в любых, даже самых экстремальных условиях;

3) формирование устойчивых психологических качеств и моральных установок в ситуации противостояния негативным воздействиям со стороны правонарушителей.

Что касается воспитательной работы с личным составом, то руководителям целесообразно проводить ее с учетом следующих принципов:

- 1) верность России, Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, Конституции Российской Федерации;
- 2) всегда и во всем следование профессиональному долгу, нормам служебной дисциплины и профессиональной этике;
- 3) создание позитивного имиджа и формирование должного социального статуса сотрудника российской полиции;
- 4) высокий уровень гражданского и правового сознания;
- 5) высокий уровень личностной культуры;
- 6) формирование навыков использования инновационных средств и способов деятельности с целью повышения профессионального мастерства;
- 7) коммуникативная культура и коммуникативная компетентность при общении с гражданами.

Руководители структурных подразделений должны организовывать воспитательную работу в правовом, патриотическом и профессионально-нравственном направлениях.

Сотрудник органов внутренних дел должен обладать глубокими и устойчивыми правовыми знаниями, взглядами и представлениями, убеждениями и чувствами, высокой правовой культурой, навыками социально активного правового поведения, правильным пониманием и исполнением правоохранительных норм.

Сформированные гражданские качества позволят сотрудникам ОВД принимать активное участие в развитии и укреплении гражданского общества, законности и правопорядка, в обеспечении законных интересов и прав членов общества.

Что же касается профессионально-нравственного воспитания, то оно должно быть направлено на формирование нравственных основ службы в ОВД, на развитие знаний о профессиональном и этическом поведении сотрудников в обществе, на укрепление отношений в коллективе, выработку антикоррупционного мышления и поведения.

Соционормативные механизмы профилактики конфликтов теснейшим образом связаны с социальной адаптацией и профессиональной социализацией молодых сотрудников ОВД. В качестве мер для их эффективной социализации необходимо на начальном этапе работы в коллективе направить усилия на:

- формирование правильного восприятия и понимания необходимости порядка, твердой дисциплины, деловой атмосферы;
- восприятие молодыми сотрудниками атмосферы требовательной доброжелательности, присущей коллективу;
- воспитание психологической устойчивости относительно антиобщественных лиц, правонарушителей; наиболее положительный эффект имеет воспитание на конкретных примерах из числа сотрудников коллектива;
- открытое обсуждение причин и форм профессиональных деформаций;
- предупреждение становления и развития профессиональных навыков молодых сотрудников, возможных психологических срывов в их поведении, поддержание профессионального уровня.

По мере профессиональной адаптации и роста профессиональных навыков и мастерства молодых сотрудников полиции профилактические меры по превенции и разрешению конфликтов перемещаются в плоскость предупреждения противоречий во взглядах по вопросам отношения к работе, способов достижения служебных показателей, престижа сотрудников полиции в обществе и т.п. Это требует от руководителя подразделения органов внутренних дел повышенного внимания к тем членам коллектива, которые, являясь добросовестными сотрудниками, проявляют излишнюю нетерпимость и резкость по отношению к товарищам. Здесь необходимо, во-первых, поощрять таких сотрудников по профессиональным достижениям, однако, с другой, - ориентировать их на более адекватные способы поведения в коллективе.

Более высокий уровень развития коллектива подразделения требует применять профилактические меры по предупреждению конфликтов на основе таких качеств, как сознательное отношение к делу, развитое чувство

ответственности. Успешная профилактическая деятельность по предупреждению конфликтов зависит не от чересчур повышенной опеки руководителем подчиненных, а от эффективной системы контроля.

По мнению наших экспертов, если руководитель ставит перед собой цель создать благоприятный микроклимат в коллективе, позволяющий минимизировать возникновение конфликтов и конфликтных ситуаций, то ему, по-видимому, следует руководствоваться рядом правил:

- использовать власть только в том случае, если применение всех остальных средств воздействия не дало положительных результатов;
- отменять свои решения, если они были приняты ошибочно;
- делать замечания сотрудникам без присутствия третьих лиц;
- внимательно и благосклонно выслушивать критику в своей адрес;
- не спорить с подчиненными по вопросам, не имеющим принципиальное значение.

Необходимо более активно реагировать на возникновение возможных конфликтных ситуаций, связанных с переходом на другую должность и/или в другой коллектив. Главное в работе избежать панибратства, которое, как известно, часто может выступать источником противостояния в коллективах. Лучше, если руководитель не будет скрывать от членов нового коллектива недостаток определенной информации об особенностях отдельных служб, а будет находить возможности для компенсации профессиональных знаний, во-первых, через обращение к опытным сотрудникам коллектива и консультации с вышестоящими руководителями соответствующих подразделений ОВД, а, во-вторых, при условии ровного отношения и требовательности ко всем работникам коллектива.

Только посредством всестороннего и глубокого анализа форм, условий складывания и причин конфликтов руководитель подразделения ОВД может грамотно разрешить конкретные вопросы профилактики и урегулирования конфликтов и направить свои усилия на повышение эффективности организационно-управленческой деятельности в коллективе.

1. Второй тип конфликтов, на примере которых мы рассмотрим соционормативные механизмы превенции, - это аксиологические конфликты. Сразу оговоримся, что для профилактики и преодоления такого типа конфликтов также необходимо наличие некоего набора воспитательных средств.

Как мы указывали выше, ценностные установки и ориентации членов общества – это механизм социализации, определяющий поведение, образ жизни, и напрямую связанный с ментальностью людей.

В связи с этим, ценностный конфликт является одним из самых осязаемых в эмоциональном и идеологическом плане, поскольку возникает в тот момент, когда в процессе функционирования подразделений полиции сталкиваются социокультурные, духовно-этические, морально-нравственные, политические и другие ценности.

Обозначенный тип конфликтов, как правило, связан с недостаточным уровнем профессиональной социализации и профессиональной идентичности, с низким уровнем личной культуры, недостаточным уровнем толерантности. Причины ценностных конфликтов более всего соотносятся со спецификой отношений в том или ином подразделении органов внутренних дел.

Проанализируем параметры, которые, по нашему мнению, имеют определяющее значение при формировании аксиологического поля корпоративной культуры сотрудников органов внутренних дел, а именно роль традиций и ритуалов в полиции.

Традиции всегда закрепляют то, что достигнуто в общественной и личной жизни, они являются мощными средствами стабилизации утвердившихся общественных отношений, исполняют роль социальных механизмов передачи новым поколениям отношений старших поколений, воспроизводят в жизни молодых поколений эти отношения, становятся своего рода хранителями достижений прошлого.

За последние несколько десятилетий возникли и сложились многие новые традиции, ритуалы, церемонии, получившие широкое распространение во многих областях и республиках РФ.

Среди них – торжественные ритуалы принятия Присяги, вручение наград и присвоение званий, проводов на заслуженный отдых и другие.

Развитие этих традиций и ритуалов еще далеко не завершено, потребуется немало времени, чтобы они полностью соответствовали потребностям и запросам наших современников, что будет способствовать формированию новых отношений между людьми на основе законности, гуманизма, справедливости, верности своему долгу, гражданской ответственности.

Традиции органов внутренних дел неотделимы от традиций русского народа. Они возникли и сложились в ходе исторического развития общества, в процессе укрепления общественного строя и правопорядка. Это моральные правила и обычаи, побуждающие сотрудников честно и самоотверженно выполнять свой служебный долг.

Традиции органов внутренних дел можно определить как совокупность, или как систему требований, норм, которая выражает принципы организации и деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью и охраняющих правопорядок.

Источником этих традиций являются общественный и государственный строй, патриотизм и интернационализм.

Российская полиция имеет собственные, сложившиеся традиции, которые побуждают работников полиции к образцовому выполнению служебного долга, честному и добросовестному служению народу, к всемерному укреплению правопорядка, строгому соблюдению законности и служебной дисциплины. Они обладают силой неписаного, но вместе с тем нерушимого закона и оберегаются общественным мнением полицейских коллективов, поддерживаются авторитетом старших товарищей — ветеранов милиции и полиции.

Последние годы были периодом дальнейшего совершенствования деятельности полиции. Это нашло выражение, прежде всего, в процессе укрепления кадров, в повышении их профессионального, общеобразовательного и культурного уровня.

Представление о моральном опыте, воплощенном в чести, долге и профессиональном достоинстве работника российской полиции будет неполным, если рассматривать эти важные для практики понятия вне связи с историческим опытом полиции России. Учитывая этот опыт можно с уверенностью утверждать, что во все времена существовала проблема моральных качеств полицейского, объективная потребность передачи нравственного опыта зрелых профессионалов молодым кадрам.

Органы внутренних дел многонациональны по своему составу. Они комплектуются из представителей всех национальностей, и не национальная принадлежность, а деловые качества работника являются определяющим условием для приема на работу и продвижения по службе.

Таким образом, основными традициями органов внутренних дел являются:

- безграничная преданность и любовь к своей Родине, Отчизне;
- тесная взаимосвязь с народом, уважение к правам человека;
- коллективизм, товарищество, взаимная выручка при выполнении служебных задач;
- строжайшее соблюдение законности;
- профессиональная бдительность и дисциплина при исполнении своего служебного долга, любовь к своему делу, стремление к совершенствованию знаний и умений;
- патриотизм и интернационализм; научный подход к явлениям общественной жизни.

В современных условиях ритуалы эмоционально выражают смысл, содержание традиций, связанных с важнейшими событиями в жизни общества.

В органах внутренних дел ритуалы нашли широкое применение. Они реализуются в форме условных и символических действий, строго регламентированных сначала обычаями и общественным мнением, а затем законами и нормативными документами МВД России. Так, например, ритуал принятия Присяги и погребения сотрудника регламентирован Законом РФ "О полиции", Положением о службе в органах внутренних дел РФ и нормативными документами МВД РФ. Эти ритуалы как бы фиксируют торжественность переживаемого момента и выражают внутренний смысл, содержание традиций, связанных с важнейшими событиями в жизни и деятельности органов внутренних дел.

Ритуалы подразделяются на:

- военно-патриотического направления;
- служебные;
- семейно-бытовые;
- религиозные.

При более подробном рассмотрении специфики служебных ритуалов в органах внутренних дел, можно отметить, что они охватывают сферу служебных отношений и раскрывают сущность полицейской службы в борьбе с преступностью и порождающими ее причинами.

Принятие Присяги, вручение правительственных наград, торжественное чествование отличившихся на службе, захоронение погибших при исполнении служебного долга - в возвышенной, эмоциональной форме этих ритуалов материализуются традиции преданности сотрудников Родине, взаимопомощи и выручки в экстремальных условиях.

Посвящение в сотрудники полиции, вручение табельного оружия, погон, специальной формы одежды, возложение венков, торжественные построения и марши, строевые смотры, развод и смена караулов, вручение служебного удостоверения, чествование ветеранов, проводы на пенсию, погребение сотрудника воспитывают профессионализм, добросовестное

отношение к службе, честность, смелость, порядочность и сознательное отношение к служебному долгу.

Все они наполнены идейным содержанием, патриотическим смыслом и обладают огромной воспитательной силой.

Будучи взаимосвязанными, каждая из этих групп имеет свою специфическую направленность и сферу влияния на общественный и личный быт. К группе военно-патриотических праздников, относится День сотрудника ОВД, ежегодно отмечаемый 10 ноября. Этот праздник лежит как бы на стыке двух групп - общегосударственных и профессиональных праздников. Он, с одной стороны, представляет собой обряды и ритуалы особой группы людей, чьей профессией является дело по охране и защите законных прав российских граждан от преступных посягательств, в этом смысле он примыкает к профессиональным обрядам. С другой стороны, некоторые полицейские ритуалы приобретают общественно-политическое значение, проводятся в дни общественных и государственных праздников.

Своеобразие ритуалов как элемента духовной культуры состоит в том, что их содержание проявляется в символической форме. Это становится возможным благодаря использованию характерных для каждого ритуала символов и атрибутики.

В качестве символов могут выступать эмоционально окрашенное слово, выразительный жест, социально значимый предмет, мемориальное сооружение.

Символ - это условный знак, образ, заключающий в себе важную социальную информацию об историческом событии или общественном явлении, о его смысле, идее и идеалах.

К символам, используемым в ритуалах, можно отнести: государственные флаг, герб, гимн России, флаги, гербы и гимны республик, входящих в состав России, СНГ, зарубежных стран, мемориальные сооружения, исторические памятники, знамена МВД, ГУВД, УВД, в том числе почетные, портреты, эмблемы и т.д.

К ритуальной атрибутике относятся: транспаранты, лозунги, плакаты, значки и ордена на форменной одежде, патрульные машины, текст Присяги, уставы, цветы и т.д.

Символика и атрибутика ритуалов пробуждает у сотрудников глубокие эстетические переживания, осознание красоты, возвышенности. Красота зовет к активности, нарушает обыденность мыслей и чувств, подготавливает почву для создания духа нового, гармонического состояния духа на более высоком уровне социального содержания.

Таким образом, постоянное развитие и совершенствование ритуалов - сложный процесс непрерывного изменения как формы, так и их традиционного содержания, порождаемый коренными изменениями, происходящими в органах внутренних дел.

Воспитательное воздействие традиций состоит в том, что они помогают личному составу познать славный путь, пройденный полицией, проникнуться уважением к трудной и почетной службе в органах. Пропаганда традиций помогает осознать значение деятельности полиции для построения правового общества в нашей стране и, в конечном счете, повышает качество работы органов внутренних дел.

Вот почему воспитание работников полиции на прогрессивных традициях является одной из важных задач руководителей органов внутренних дел. Эта работа должна постоянно проводиться и совершенствоваться, при этом надо использовать все многообразие форм, методов и средств воспитания личного состава на прогрессивных традициях. Комплексно подходить к организации всей этой работы.

Предпосылками эффективного воздействия прогрессивных традиций на процесс становления личности сотрудников органов внутренних дел являются:

- единство организаторской и воспитательной работы;
- избрание наиболее действенных форм и методов воспитания на традициях, дифференцированный подход к ним;

- развитие индивидуальных форм работы;
- учет новых явлений социальной жизни;
- совершенствование форм и методов патриотического воспитания;
- выбор и сосредоточение главных усилий на наиболее важных участках, умение найти главное направление в организации этой работы.

В целях дальнейшего совершенствования роли традиций в воспитательной работе с личным составом полиции, повышения методических навыков воспитателей необходимо:

- четко формулировать содержание традиций органов внутренних дел, их психологическое воздействие на личный состав в процессе проведения воспитательной работы;

- организовать воспитательный процесс так, чтобы подвиги старших поколений служили маяком в деле воспитания новых поколений сотрудников.

Для этого необходимо учитывать обстановку, задачи, стоящие перед личным составом в данный момент, учитывать условия их применения; активно использовать воспитательные возможности полицейских ритуалов. Систематически обобщать, развивать, совершенствовать и широко популяризировать положительный опыт проведения традиционных и формирующихся новых ритуалов.

Эффективности воспитания на традициях могут служить самые разнообразные формы и методы. Среди них:

- а) формы и методы эмоционально-чувственного воздействия. Для них характерны торжественность, церемониальность, музыкальное и красочное художественное оформление, поэтичность, образность. К ним относятся: парады, митинги, собрания, шествия, смотры, конкурсы, экскурсии, фестивали, театрализованные представления, наглядная информация, торжественное награждение, встречи с ветеранами;

б) формы и методы рационального воздействия: публичные чтения, конференции, лекции, лектории, беседы, доклады, публикации в средствах массовой информации и др.

Основными формами воспитания на традициях являются:

- изучение истории полиции и оперативно-поисковых подразделений ОВД, в которых служат сотрудники;
- экскурсии по местам боевой славы с возложением венков к монументам и памятникам;
- посещение музеев, в т.ч. и краеведческих;
- просмотры кино-, видеофильмов и последующее их обсуждение;
- празднование Дня сотрудника ОВД;
- встречи с ветеранами органов внутренних дел;
- создание музеев, залов и комнат боевой славы органов внутренних дел;
- торжественное принятие Присяги и вручение сотрудникам оружия;
- торжественные проводы ветеранов на заслуженный отдых;
- строевые смотры;
- Дни памяти павших на боевом посту;
- проведение спартакиад, посвященных памяти сотрудников;
- шефство над семьями погибших сотрудников;
- вручение премий совета ветеранов молодым сотрудникам, добившимся наилучших показателей в служебной деятельности;
- проведение отдельных занятий в системе профессиональной подготовки личного состава, участие в организации конкурсов профессионального мастерства;
- участие в уроках мужества и других воспитательных мероприятиях, проводимых для молодых сотрудников;
- поисковая работа по оформлению книги Памяти, разработка проектов экспозиции музеев, комнат боевой славы.

В настоящее время сотрудники поддерживают, сохраняют и приумножают следующие позитивные традиции:

а) личной сопричастности с героическим прошлым Отечества, с памятью героев-сотрудников, погибших на боевых постах. Сопричастность сотрудников, в свою очередь, реализуется путем:

- сбора средств среди сотрудников для открытия мемориалов Славы, обелисков, памятников, стел, а также трудового участия в их строительстве и реконструкции;

- поддержки в надлежащем виде и порядке мест захоронений, оград, памятников на могилах погибших товарищей. Активное участие в этой работе принимает личный состав ГУ МВД России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области;

- моральной и материальной поддержки семей погибших сотрудников. Семьям погибших, имеющих несовершеннолетних детей, выдаются ежемесячные дотации из благотворительных фондов, вручаются бесплатные билеты в театры, оказывается практическая помощь в решении бытовых проблем, лечении и отдыхе детей, направлении подростков в учебные заведения системы МВД, их трудоустройстве;

- участие в поисковых экспедициях по розыску останков и установлению без вести пропавших советских воинов в период войны.

б) оказание взаимовыручки и поддержки товарищам по службе, попавшим в экстремальную ситуацию.

в) проявления гуманизма.

Традиции живут и обогащаются новым опытом. Одно из условий формирования положительных обычаев и традиций заключается в том, что ритуальная, обрядная сторона традиции должна быть тщательно продумана вплоть до мельчайших деталей.

В свершениях сегодняшних дней ясно видны плоды героического труда всех поколений борцов за победу нового общественного строя.

Верность прогрессивным традициям является характерной чертой сотрудников органов внутренних дел.

Преданность служебному долгу, патриотизм и интернационализм, идейная убежденность, активная жизненная позиция, высокая культура и образованность, добросовестное отношение к выполнению служебных обязанностей, следование нормам кодекса чести являются обязательными качествами сотрудников органов внутренних дел.

Эффективность воздействия традиций на процесс формирования личности сотрудника зависит как от их содержания, эмоциональной направленности, так и от организации всей воспитательной работы. Весьма существенным представляется умение правильно организовать повседневную служебную деятельность каждого органа и подразделения, создать здоровый морально-психологический климат в коллективе. При этом очень важно сохранять традиции, в которых выражается дух сплоченности, товарищества и взаимопомощи, взаимного уважения и требовательности. В таком случае традиции охватывают своим влиянием всех членов коллектива, воздействуют на процесс формирования их интересов, взглядов и чувств.

Общественная практика показывает, что формирование личности человека на важнейших традициях народа успешно осуществляется только при условии объединения и координации всех сил и средств, постоянного поиска путей совершенствования этой работы с учетом требований времени. Поэтому необходимо добиваться, чтобы в организации воспитательной работы всегда был максимум инициативы, творчества и ответственности, чтобы проходили они на высоком идейном и организационном уровне. Для этого целесообразно каждому руководителю систематически анализировать работу по пропаганде лучших традиций органов внутренних дел, всемерно добиваться ее высокого уровня эффективности. С этой целью следует:

- активно и глубоко изучать передовой опыт;
- пропагандировать традиции воспитания сотрудников на примерах героизма и мужества;

- проводить эту работу постоянно и целеустремленно;
- искать и внедрять в жизнь новые, передовые формы и методы этой работы;
- избирать главное направление и сосредоточивать основное внимание на важнейших участках работы;
- учитывать новые явления социальной жизни и задачи, стоящие перед сотрудниками в данный момент.

Воспитание традиций у личного состава должно решаться путем комплексного использования разнообразных форм и методов, при этом необходимо добиваться, чтобы всем основным традициям органов внутренних дел были присущи торжественность, эмоциональность, привлекательность. Это поможет находить все новых и новых приверженцев хороших традиций, будет способствовать их распространению и укреплению. Героическое прошлое народа, органов внутренних дел всегда остается неисчерпаемым источником дальнейшего совершенствования воспитательной работы с личным составом. В ней главное внимание надо сосредоточить на том, чтобы каждый сотрудник понял сущность и значение прогрессивных традиций, проникся глубоким уважением к ним, стремился следовать примеру героев, осознал свою роль и ответственность в приумножении дел старших поколений. Практика педагогической науки за последние десятилетия выработала свою систему мер, направленную на организацию непрерывности воспитательного воздействия на личность. Эта теория прошла апробацию и доказала свою жизненность и необходимость. В органах внутренних дел служат люди широкого возрастного диапазона с уже сложившимся мировоззрением, взглядами, нормами поведения. Поэтому воспитательный процесс с этой категорией личного состава имеет свою специфику.

В этом смысле чувства связаны с представлением или идеей о некотором объекте - конкретном или обобщенном (любовь к Родине). Наиболее распространенными видами эмоционального воздействия на

личность являются ритуалы, которые возникают на основе народного опыта, выдвигая на первый план эстетическую, наглядно – чувственную сторону. Таким образом, воспитательное воздействие полицейских ритуалов и традиций заключается в том, что они олицетворяют службу в органах внутренних дел, самоотверженность, самопожертвование и смелость при выполнении своего долга перед Родиной и народом.

Создание службы собственной безопасности в структуре Министерства внутренних дел было продиктовано целью пресечения фактов преступности, нарушения закона и коррупции среди сотрудников органов внутренних дел. За годы существования этой службы накоплен значительный опыт по предупреждению, пресечению действий, которые направлены как на посягательство на честь и достоинство сотрудников полиции, так и на нанесение ущерба профессиональной деятельности органов внутренних дел в целом.

Руководство Министерства внутренних дел Российской Федерации считает одним из главных направлений своей деятельности борьбу с коррупцией в собственных рядах, в связи с чем усиливается информационное и оперативно-служебное противодействие этому явлению и обеспечение собственной безопасности ОВД.

В систему противодействия коррупционному поведению и любым фактам коррупции заложены меры по повышению адресности реагирования различных ведомств ведомственного реагирования на девиации сотрудников органов внутренних дел, индивидуальному подходу к любой информации об их проявлениях, а также личной ответственности непосредственных руководителей за коррупционное поведение и коррупционные преступления подчиненных.

Согласно данным статистики, к примеру, первое полугодие 2014 года продемонстрировало рост количества сотрудников ОВД, которые были привлечены к уголовной ответственности за взятки, почти на 36%. При этом выросло число сотрудников региональных ведомств МВД и трех

подразделений транспортной полиции, которые совершили преступления в форме получения взятки [45].

Анализ уровня правонарушений в органах внутренних дел позволил автору выделить такие факторы коррупционного поведения сотрудников ОВД, как:

- низкие жилищно-бытовые условия, недостаточное финансирование и т.д. (социально-экономический фактор);

- культ наживы, стяжательство, жестокость, насилие, достижение материального благополучия любыми, в том числе и незаконными способами и средствами, пропагандируемые в СМИ, неконструктивная, порой предвзятая критика деятельности полиции и т.п. (информационный фактор);

- пробелы в законодательстве (правовой фактор);

- слабая кадровая политика в ОВД, отсутствие воспитательной работы с молодыми сотрудниками и т.д. (организационно-управленческий фактор);

- отрицательное влияние антисоциальной среды, психологическая неготовность сотрудников к противостоянию криминальным субкультурам и негативным явлениям (психологический фактор).

Эффективное противодействие коррупции должно строиться на системе согласованных мер, которая будет включать в себя, в первую очередь, общесоциальную профилактическую работу и воздействие на проявления коррупции и коррупционный потенциал. Необходимо продумать комплексное воздействие на причины, факторы и условия, в которых возникают ситуации коррупции, а также на максимальное снижение ее последствий.

Главный шаг, на наш взгляд, состоит в том, чтобы устранить противоречия и несогласованные элементы законодательства, опираясь на существующую практику. Далее следует определить ключевые направления по борьбе с коррупционным поведением сотрудников ОВД, разработать стратегию и тактику, ориентированные на ее профилактику и противодействие.

Ключевую роль в противостоянии коррупции должно играть информационное сопровождение. Чтобы провести анализ коррупционного потенциала и степени проявления коррупционного поведения в служебном коллективе, необходимо обладать полной и достоверной информацией в этой сфере. Это в полной мере будет способствовать принятию соответствующих мер оперативного и профилактического характера.

Следующий необходимый шаг, направленный на пресечение коррупции в органах внутренних дел, - применение инновационных подходов к формам и методам работы с личным составом. Это, в первую очередь, связано с более высокими требованиями, предъявляемыми к поведению сотрудников полиции как внутри коллектива, так и при выполнении служебных обязанностей.

На основании проведенного теоретического и практического исследования, мы считаем возможным предложить следующий комплекс мер по противодействию коррупционному поведению сотрудников ОВД:

- правовые акты и проекты должны с необходимостью проходить антикоррупционную экспертизу;
- оценка криминологической обстановки и криминологическое прогнозирование должны проводиться на систематической аналитической основе;
- адресность оперативно-розыскной работы;
- повышенное внимание к уровню образованности и профессиональной подготовленности полицейских;
- формирование и поддержка профессиональных традиций, основанных на этических нормах, пропаганда личной высокой ответственности перед обществом, формирование культуры противодействия проявлениям давления и насилия, противостояния соблазнам, противоречащим социальному статусу сотрудника полиции;

- создание условий для действенного механизма профилактики коррупционного поведения через взаимодействие министерств, ведомств, выборных органов и общественных организаций;
- нормативная установка на увольнение сотрудников полиции, уклоняющихся от представления сведений об имуществе, доходах и расходах;
- единое информационное пространство для всех ведомств и подразделений ОВД;
- использование инновационных методов и технологий для статистического учета;
- пересмотр с учетом рациональности и целесообразности установок, необоснованно запрещающих или ограничивающих некоторые виды экономической деятельности;
- усиление меры ответственности соответствующих органов государственной власти за неэффективную антикоррупционную деятельность.

Немаловажным шагом по противодействию коррупции выступает развитие комплекса мер по международному сотрудничеству в этом направлении. Такой комплекс мер может включать в себя следующие элементы:

- правовая помощь в сфере расследования уголовных и гражданских дел о коррупции;
- международные антикоррупционные исследования;
- исследование накопленного опыта зарубежных стран, демонстрирующих успешную борьбу с коррупционным поведением в правоохранительной среде;
- проведение конференций разного уровня, выпуск статистической, аналитической и методической литературы по обмену опытом органов внутренних дел РФ и других стран в сфере нормативного регулирования антикоррупционного поведения;

- организация обмена специалистами между Российской Федерацией и странами, имеющими опыт успешной борьбы с коррупцией;
- формирование и развитие единой, ориентированной на борьбу с коррупцией, системы информации;
- эффективная правовая защита антикоррупционной деятельности российских и иностранных граждан и организаций, в том числе, работающих за рубежом.

Следует согласиться с мнением А.А. Прохожева о том, что стратегическими направлениями борьбы с коррупцией, наряду с обычными карательными мерами, должны стать элементы системы организационно-правовых, экономических, морально-этических, воспитательных мер по нейтрализации причин, порождающих коррупцию, то есть «антикоррупционная профилактика» [76, с. 54-56].

Назвав коррупцию традиционной русской проблемой, Президент Российской Федерации В.В. Путин также отметил, что с такой проблемой сталкиваются все развивающиеся страны. Необходимо понимание того, что действовать надо в направлении повышения антикоррупционных санкций и неотвратимости наказания за факты коррупции.

Президент отметил и определенные успехи в этом направлении. Так, в 2011 году наказание за коррупцию в России понесли около восьмиста человек, среди которых не только депутаты и чиновники разного уровня, но и сотрудники правоохранительных органов. Особая роль в антикоррупционной политике отводится гражданскому обществу, отдельным гражданам [2].

Несомненно, необходимы целенаправленные усилия не только со стороны государства, в целом, но и гражданского общества и граждан, в частности. Бесспорным является тот факт, что реализация вышеуказанных мер будет способствовать предупреждению коррупции.

Вместе с тем, совершенствование законодательства должно включать в себя комплекс мер, направленных не только на решение проблемы его

несовершенства как фактора, способствующего расцвету коррупции и отсутствию контроля деятельности органов власти, ущербности кадровой политики, а также необходимо уменьшение масштабов государственного администрирования, снижение общественной незрелости и деформированности правового и нравственного сознания гражданского общества, повышение правового сознания граждан и правовой культуры общества в целом [2].

О необходимости привлекать к данному процессу гражданское общество, общественные организации и рядовых граждан говорят и ученые. Так, Ю.М. Буравлев отмечает, что «построение в России правового государства и развитие институтов гражданского общества – лучшее средство профилактики коррупции и других злоупотреблений в системе государственного управления» [17, с. 56-59].

Таким образом, можно отметить, что в целом в России на современном этапе функционирует система мер, направленных на совершенствование правовых механизмов, способствующих как устранению норм, приводящих к коррупционным отношениям и коррупционной практике в обществе, так и на профилактику таких отношений и практики.

Применительно к органам внутренних дел важно также содействовать повышению авторитета и престижа службы в полиции, во всех ее подразделениях, оптимизировать работу полиции, призванной обеспечивать правопорядок и законность. Это позволяет государству эффективно противодействовать коррупции и сократить число совершаемых преступлений коррупционной направленности.

Следовательно, решение важной задачи по снижению коррупционных проявлений и профилактике антикоррупционного поведения во многом зависит от своевременного и слаженного взаимодействия органов правопорядка и государственных структур и общественных организаций. Ключевое место в этой деятельности занимает активное противодействие профессиональным деформациям и коррупционному поведению как особой,

наиболее опасной форме девиации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное к защите диссертационное исследование, содержащее в себе углубленный социокультурный анализ такого сложного и девиантогенного феномена, как коррупционное поведение в системе органов внутренних дел, является еще одной попыткой комплексно осмыслить происходящие в современной российской действительности общественные процессы, представляющие собой вполне очевидную угрозу стабильности и безопасности всей социальной структуры.

Коррупция в среде представителей профессиональной группы, призванной активно противостоять различного рода противоправным проявлениям, как ни что другое подрывает доверие большей части населения к властным институтам и конституционным гарантиям в современной России.

В настоящей работе, посвященной данной проблематике, также представлен анализ механизмов возникновения и развития внутренней самодетерминации социума, в частности, продуцирующей и явление коррупции, а также социологический анализ поднимаемых проблем на теоретико-понятийной основе, так как именно социологический контекст исследования в наибольшей степени способен удовлетворить социальные потребности и ожидания в определенном объеме научно-теоретического познания.

Предпринимая научный анализ различных форм коррупционных схем поведения как общественного явления, нами охарактеризованы его социальные признаки, а также основные ценностные установки, положенные в основу взаимодействия людей в конкретной ситуативной реальности.

В то же время, на наш взгляд, не только анализ смысла действий, но и их понимание и правовая оценка, являются первоосновой социокультурной интерпретации феномена коррупции.

Вместе с тем, само социокультурное содержание явления коррупции, как наиболее сложной и общественно опасной формы девиантного

поведения, неразрывно связано с наличием устойчивого конфликта между «социальными» и «культурными» аспектами современного российского общества.

В качестве основных выводов исследования, мы предлагаем следующие:

1. Преимущество именно социокультурного анализа феномена коррупции заключается не только в наличии возможностей использования широкой поливариативности методов исследования, применяемых в социологической науке в целом, но и в присутствии самостоятельных интерпретаций феномена культуры, а также отношений между ней и социальной структурой. В процессе социокультурного подхода к анализу явления коррупции объективируется возможность углубленного исследования смыслового контекста нарушений социального порядка и легитимации в мировоззрении акторов различных форм девиантного поведения.

2. Анализируя социокультурные основания формирования правовых ценностей, мы в диссертационном исследовании отмечаем наличие особого типа правового сознания, характерного именно для российской культурной традиции. Данный тип мировоззрения формировался на протяжении различных исторических эпох и, бесспорно, оказал существенное влияние не только на характер интернализации основных правовых ценностей, но и на особенности личностных отношений к праву и правовой системе.

3. Современный научный дискурс о проблемах отклоняющегося поведения в среде сотрудников ОВД, включая и исследования коррупционных аспектов в профессиональной деятельности, нами разделен на две группы. К первой группе нами отнесены работы, связанные с проблемами подбора и специального образования сотрудников, формирования на стадии их обучения антикоррупционного стандарта поведения, организации условий для эффективной правовой социализации.

Вторая группа исследований посвящена проблемам формирования профессиональной идентичности специалистов правоохранной сферы, их социального и социокультурного статуса, как факторов, понижающих угрозу возникновения «девиантных» версии восприятия обществом современных полицейских.

4. Основные мероприятия по борьбе с коррупцией в ОВД должны проводиться на основании комплекса согласованных мер, в том числе социального и профилактического влияния на систему на коррупционных рисков. Данные меры должны быть, прежде всего, направлены на устранение причин и условий возникновения коррупции и на минимизацию ее последствий. Одна из наиболее эффективных мер это, прежде всего, устранение несогласованности законодательства, определение первоочередных направлений борьбы с коррупцией, разработка стратегии и тактики противодействия, а также организация профилактической деятельности, внесении соответствующих изменений в законодательство, продиктованных наработанным опытом.

5. Воссоздание в современном образе представителя полицейского ведомства признаков, с одной стороны, истинной народности, а с другой, - избранности и элитарности, обеспечивающейся неукоснительным соблюдением морально-нравственных норм профессионального поведения, является основной задачей в общем процессе формирования эффективной правоохранительной системы, облеченной доверием населения и способной осуществить качественную защиту конституционного строя российского государства.

Таким образом, в диссертационной работе нами проанализирован не только накопленный опыт и значительный объем знаний, в котором изучены проблемы теоретико-методологического и прикладного содержания, но и исследована содержательная сущность и основные векторы воздействия социокультурных факторов на формирование соответствующей, модели

профессионального поведения, в полузакрытой институциональной системе, каковой является система органов внутренних дел.

Список используемой литературы:

Нормативно-правовые акты:

1. Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Практические меры по борьбе с коррупцией. Гавана. 1990. П. 38; Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шелли. СПб., 2003.

2. Национальный план противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы. утверждён Президентом Российской Федерации 31.07.2008 года, в редакции Указа Президента РФ от 13.04.2010 года № 460

3. Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 "О мерах по противодействию коррупции".

4. Уголовный кодекс РФ. Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ.

5. Федеральный Закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. № 266 от 30.12.2008.

Монографии, статьи и др.:

6. Аверьянов М.В. Методологические подходы в исследовании феномена коррупции: социокультурный аспект. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2011, № 3. - С. 147

7. Аномалии социума: социология девиантного поведения и преступности: хрестоматия / авт.-сост. А.В. Маркин, под общ. ред. Л.В. Карнаушенко. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2009. – С. 286.

8. Артюхов А.В. Криминальные практики России, сквозь призму культуры / А.В. Артюхов. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. – С. 256.

9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: 1999. - С.652.

10. Бергер П. Приглашение в социологию. М.: 1996. - С.32.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: 1995. - С. 301.
12. Березин Г.Н. Отечественный опыт нравственного воспитания на этапе ранней профессиональной ориентации в контексте проблем организационной культуры в системе МВД России. Монография. Ставрополь, 2010. – С. 219.
13. Блау П.М. Исследование формальных организаций / американская социология. Проблемы. Перспективы. Методы. – М.: 1972. – С. 152.
14. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М.: 1994. - С.185.
15. Бондаренко Т.А. Авторитет сотрудника милиции: социально-психологические предпосылки его формирования в процессе первоначальной подготовки: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т.А. Бондаренко. – М., 2002. – С. 22.
16. Бродман Г., Риканатини Ф. Корни коррупции: важны ли рыночные институты? / Пер. с англ. // WorldBankPolicyResearchWorkingPaper 2368. — 2000.
17. Буравлев Ю.М. Коррупция в государственном аппарате как системное явление // Юридический мир. 2008. №12. – С. 52.
18. Бурдые П. Социология политики. М.: 1993. – С. 112.
19. Вебер М. Наука как призвание и профессия / Избранные произведения. – М.: 1990. - С.730.
20. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. - С. 629
21. Вебер М. "Объективность" познания в области социальных наук и социальной политики//Культурология. XX век. Антология. М.: 1995. - С. 566
22. Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. Монография. Монография. Изд-во Кнорус. М.: 2017. – С. 177

23. ВЦИОП — Сингапурская стратегия борьбы с коррупцией.
<http://www.crime.vi.ru/docs/books/book/g3/3/htm>.
24. Вьюшин, К.М. Правовая культура в контексте современного российского законодательства: социологический аспект / К.М. Вьюшин // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 8. – С.152.
25. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М.: 1991. - С.76.
26. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. М.: 1991. - С. 237.
27. Гончаров В.Б. Общественное мнение омичей о милиции / В.Б. Гончаров, В.В. Кожевников // Социологические исследования. – 1996. – № 7. – С. 146.
28. Девиантное поведение в современной России. Монография под ред. Т.А. Хагурова и М.Е. Поздняковой. – М.: Институт социологии РАН. 2014. – С. 200.
29. Добреньков В.И. Преступление и наказание: криминализация России как социально-политическое явление: Материалы дискуссии. – М.: Альфа – М.: 2004 (Серия: «Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии»). Вып. 3.- С.11.
30. Домнина А.В. Новые тенденции, складывающиеся в сфере высшего юридического образования, их влияние на формирование профессионального правосознания // Юридическое образование и наука. - 2011. - № 1. - С. 10.
31. Дугенец А.С., Васильев Ф.П., Гугунский А.Н. Современные особенности регулирования вопросов борьбы с коррупцией в системе органов внутренних дел России // Российский следователь. 2011. № 9. – С. 46.
32. Дюркгейм Э. Разделении общественного труда. Метод социологии. – М., 1991, - С. 399.
33. Егорышев С.В. ОВД Башкортостана в оценках населения / С.В. Егорышев // Социологические исследования. – 1997. – № 8. – С. 87.

34. Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности. – М.: 2005. - С. 7
35. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М.: 1994, - С. 86.
36. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. - С.94.
37. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Он же. Избранное. В 2 т. М., 1996. Т.1. - С.490.
38. Зубова Я.В. Правовой менталитет как социокультурный фактор реформирования современной России / Я.В. Зубова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 8. – С. 133-138.
39. Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита / А.Ю. Зудин // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 215.
40. Иглтон Т. Идея культуры. М.: ВШЭ, 2012. – С. 247.
41. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. 3-е издание, М.: Логос., 2000. - С.11.
42. Колесникова А.Г., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Социология культуры. Под. ред. С.Н. Епифанцева. Изд-во Кнорус. М.: 2017. – С. 246.
43. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. М.: 2007. - С.43-44.
44. Индекс восприятия коррупции 2010. [http://www.transparency.org.ru/doc/cpi2010_table_rus\(1\)_01000_342.pdf](http://www.transparency.org.ru/doc/cpi2010_table_rus(1)_01000_342.pdf).
45. Исследование фонда ИНДЕМ «Диагностика российской коррупции 2005». http://www.anti-corr.ru/indem/2005diagnost/2005diag_press/doc.
46. Интервью РИА Новости начальника главного управления собственной безопасности (ГУСБ) МВД России Юрия Драгунцова. 26.12.2011 г.
47. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: 2000. – С. 152.

48. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: Рос.гос. гуманит. ун-т. 2000, - С. 108.
49. Коленникова О.А., Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции // Социологические исследования. 2004.Т. 3. - С. 73–83.
50. Козер Л. Мастера социологической мысли. М.: 2006. - С.456.
51. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма Вып. 1 СПб., 1912. - С.19.
52. Крейн Д. Социология культуры: вызов социологии как дисциплине // Контексты современности – 1. Казань. 2000. - С.99-100.
53. Кургинян С.Е. Суть времени. – М.: МОФ ЭТЦ, 2012. – С. 152.
54. Кузнецов А.И. Социокультурный статус сотрудников органов внутренних дел в современной российской ментальности. Автореф. диссерт. на соиск. уч. степ. канд. социол. наук. Майкоп, 2010. – С. 132.
55. Латов Ю.В. Теневая экономика. Альманах № 1, 2007. – С. 119.
56. Луман Н. Понятие общества. В кн.: Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. - С.36.
57. Львов Д.С., Овсиенко Ю.В. «Об основных направлениях социально-экономических преобразований» // Экономическая наука современной России. 1999. № 3. - С. 99-114.
58. Манхейм К. Идеология и утопия // Он же. Диагноз нашего времени. М.: 1994. - С.166.
59. Маргатова О.Б. Социокультурные основания формирования правовых ценностей российской молодежи / О.Б. Маргатова // Наука 2009: ежегодный сб. науч. ст. ученых и аспирантов АГУ. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – С. 114.
60. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.26, ч.1, 1962. - С.283.
61. Матецкая А.В. Социология культуры. Учебное пособие. 2006. РГПУ. - С. 206.

62. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. М.: 1992. № 4. – С. 77.
63. Михайлов А.П. Этиология девиантного поведения: социологический анализ: курс лекций / А.П. Михайлов, С.В. Сергиенко. – Майкоп: Качество, 2010. – С. 143.
64. Монсон П. Лодка на аллеях парка. М.: 1994. - С.19.
65. Морозов В.В. Противоречивость социализации и воспитания молодежи в условиях реформ / В.В. Морозов, А.В. Скребов // Социально-политический журнал. – 1999. – № 1. – С. 312.
66. Московичи С. Деньги как страсть и как представление // Московичи С. Машина, творящая богов. М.: 1998. - С. 232.
67. Мяготин А.В. Имидж и стиль деятельности сотрудника правоохранительных органов как формы проявления его профессиональной этики / А.В. Мяготин // Международный семинар по проблемам полицейской этики: материалы международного семинара, 14-15 мая 2002 г. – М.: Щит-М: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2003. – С.122.
68. Нарочницкая Н.А. Современная Россия: православие и либерализм// Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 4. М.: 1996. - С.149.
69. Новости за 03.02.1999 // Polit.Ru
70. Олсон М. Логика коллективного действия. М.: 1995. – С. 175.
71. Отчёт ГУСБ МВД РФ О мерах по обеспечению собственной безопасности и противодействию коррупции в системе органов внутренних дел Российской Федерации за 06 месяцев 2014 года // URL:<https://pda.mvd.ru/anticorr/statistics>.
72. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: 1997. - С. 210.
73. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – С. 214.
74. Покровский Н.Е. Проблема аномии в современном обществе. – М.: 1995. - С. 51.

75. Пронин В. Первый сыщик страны / В. Пронин // Овалов, Л. Майор Пронин / Л. Овалов. – М.: 1998. – С. 79.
76. Прохожев А.А. Первоочередные меры государственной политики в сфере противодействия коррупции // Следователь. 2008. № 10. – С. 79.
77. Рейтинг восприятия коррупции в странах мира (Проверено 28 января 2011). <http://www.rian.ru/infografika/20101027/289524140.html>.
78. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / Пер. с англ. О. А. Алякринского. — М.: Логос, 2003. – С. 84.
79. Самыгин С.И., Верещагина А.В. Информационные аспекты обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарные и социально-экономические науки. М.: 2014. – С. 214.
80. Словарь юридических терминов. М., 2000 г. С. 121. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15689>
81. Смоленский М.Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства: перспективы становления в современной России: монография / М.Б. Смоленский. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. пед. ун-та, 2005. – С. 126.
82. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. - С. 534.
83. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, с. 38, <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
84. Сторчилова Н.В. Методы противодействия коррупции в ОВД // Российский следователь. 2007. № 14. – С. 112.
85. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: 1985. - С. 61.
86. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: 2004. - С. 347.
87. Феофанов К.А. Социальные риски в современной социологии. – М.: 2001. - С. 19.
88. Хазамов М.О. Правовой нигилизм как фактор угрозы социальной безопасности России. Краснодар. 2006. - С. 9.
89. Харсеева А.В. Духовные аспекты национальной безопасности современной России. Краснодар. 2006. - С.21.

90. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. молодёжь в обществе риска. Второе издание- М.: Наука, 2003. - С.58,135.
91. Шаров А. Ни дать, ни взять. Генпрокуратура начала новое наступление на коррумпированных чиновников «Российская газета» Федеральный выпуск № 4215 от 7 ноября 2006 г.
92. Шацкий Е.О. Утопия и традиция. М.: 1990. - С. 320-321.
93. Шевченко, А.М. Ресоциализация в России (социокультурные модели): монография / А.М. Шевченко; РГЭУ «РИНХ». – Ростов н/Д, 2003. – С. 209.
94. Шилз Э. Массовое общество и его культура. В кн. Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура. М.: 1985. - С. 82-84.
95. Шипунова Т.В. Проблема синтеза теорий девиантности / Т.В. Шипунова // Социологические исследования. – 2004. – № 3. - С. 318.
96. Шюц А. Смысловое строение социального мира. Американская социологическая мысль: Тексты /Под ред. В. И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. Электронная версия: <http://www.nsu.ru/psych/internet/>
97. Эфендиев А.Г. Общая социология. Учебное пособие. 2000. М.: - С. 334.
98. Юридическая педагогика. Под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. Закон и право. М., 2004. - С. 347
99. Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска». – Социологическая теория: история, современность, перспективы. – Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2008. – С. 377.
100. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи. М.: 2003. - С.16, 20.
101. Ades A., Di Tella R. The new economics of corruption: a survey and some new results // Political Studies. — 1997. — Vol. 45, No. 3. — P. 496.
102. Bardhan P. Corruption and development // Journal of Economic Literature. — 1997. — Vol. 25. — P. 1320.

103. Beck U. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics of the Risk Society. New Jersey: Humanities Press, 1995, P.15.
104. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: Sage Publications, 1992, P.23.
105. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994, P.58.
106. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. P. 169–217.
107. Becker G.S., Stigler G.J. Law Enforcement, Malfeasance, and Compensation of Enforcers // Journal of Legal Studies. 1974. Vol. 3. P. 1–18.
108. Bowles R., Garoupa N. Casual Police Corruption and the Economics of Crime // International Review of Law and Economics. 1997. Vol. 17. P. 75–87.
109. Brunetti A., Weder B. A free press is bad news for corruption // Journal of Public Economics. — 2003. — Vol. 87. — P. 1801.
110. Comte A. Cours de philosophie positive. Vol. 4. Paris, 1869. P. 32
111. Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L.: Routledge, 1992, P. 6-8, 9.
112. Кд'3fssler D. Max Weber//Klassiker der Soziologie /Hrsg. von D. Кд'3fssler. С.Н. Beck. Мб'3fnchen, 1978., P. 87
113. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990, P.129.
114. Garoupa N. Behavioral Economic Analysis of Crime: A Critical Review //European Journal of Law and Economics. 2003. Vol. 15 (1). P. 5–15.
115. Goffman E. Interaction ritual. Essays on face-to-face behavior. New York, 1967., P.124
116. Knorr-Cetina K. The Microsociological Challenge to Macrosociology / Advances in Social Theory and Methodology. Ed by A. Cicourel and K. Knorr-Cetina. Boston, 1981. P.7

117. Lindbeck A. Swedish lessons for post-socialist countries. — Institute for International Economic Studies, Seminar Paper No. 645. — Stockholm: 1998. P. 47
118. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. P.8.
119. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991, P.25.
120. Rose-Ackerman S. The Political Economy of Corruption // Corruption and the global economy / Ed. Elliott K. A. — Washington, DC: Institute for International Economics. — 1997. — P. 31.
121. Schutz A., LuckmannTh/ Structure of the Life World, 111., 1973. P.225.
122. Tanzi, V. Corruption, Governmental Activities and Markets // IMF Working Paper 94/99. — International Monetary Fund, Washington, DC. — 1994. P. 57
123. Transparency International - the global coalition against corruption. http://www.transparency.org/policy_research_surveys_indices/cpi/2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Как бы Вы оценили работу ГИБДД?

№	Вариант ответа.	%
1	Положительно	24,8
2	Скорее положительно	19,1
3	Скорее отрицательно	15,2
4	Отрицательно	9,8
5	Затрудняюсь ответить	31,1

Таблица 2. Сталкивались ли Вы в повседневной жизни с произволом сотрудников полиции в отношении вас или ваших близких?

№	Вариант ответа.	%
1	Да, сталкивались	15
2	Скорее да	18
3	Скорее нет	32
4	Нет, не сталкивались	12
5	Затрудняюсь ответить	23

Таблица 3. Какие качества на Ваш взгляд являются главными в облике современных сотрудников ОВД? (Возможно несколько вариантов ответа)

№	Вариант ответа.	%
1	Честность	77
2	Вежливость	86
3	Компетентность	43
4	Подтянутость и опрятность	44
5	Мобильность	37
6	Высшее образование	67

Таблица 4. Из каких источников Вы получаете информацию о деятельности ОВД?

№	Вариант ответа.	%
1	СМИ	76
2	Интернет	24
3	Фильмы и сериалы о полиции	28

Таблица 5. Какие причины, по Вашему мнению, влияют на низкую эффективность работы органов внутренних дел?

№	Вариант ответа.	%
1	Низкий уровень оснащённости полиции	19
2	Высокая психологическая нагрузка	57
3	Неэтичное и оскорбительное поведение в отношении сотрудников полиции со стороны самих граждан	34
4	Готовность самих граждан предложить взятку полицейскому	39

Таблица 6. На сколько Вы удовлетворены своей работой в органах внутренних дел?

№	Вариант ответа.	%
1	Полностью удовлетворены	26,8
2	Частично удовлетворены	53,7
3	Скорее не удовлетворены	5,3
4	Абсолютно не удовлетворены	5,3